

С М Е Ш А

9

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ШКОЛА АКТЕРОВ

Выдающийся теоретик и мастер русского театра К. С. Станиславский мечтал о высокой культуре будущей школы актеров. Чтобы актер приобрел силу передки «вирных чужих» и безделье чужих, гримасных «справед» и перерываний современной души, он должен впитать в себя «еще лучше, что дала высокая культура и артистическая техника».

В этой высшей традиции воспитывались в Государственной институте театрального искусства имени Дзержинского (ГИТИС) одаренная советская молодежь. Из трех факультетов — актерского, режиссерского и театрально-музыкального — обучают народный артист СССР М. Тарханов, народные артисты РСФСР В. Станиславский, Ю. Павлович, И. Сухомлинов, А. Попов, заслуженные деятели искусства В. Захаров, И. Горюхов, заслуженные артисты РСФСР С. Орлов, В. Белокуров, профессор И. Раевский и другие.

В стенах института получили высшее театральное образование талантливые молодые специалисты республик — Киргизия, Таджикистана, Туркмении, Якутии и многих других. На выпускаемых национальных студиях ГИТИС создано около полутора десятков профессий для Чувашской и Мордовской АССР.

В этом году выпускается институте поочередно составы театров Украины. Часть специализации Театральной академии уедет в Ташкент, где организуются драматический театр имени Чехова Гурьва и Чувашский ГИТИС уже отправился на работу в Сталинград.

На снимках: слева сверху — студенты 4-го курса режиссерского факультета И. Шеня, И. Махмеджанов, Е. Владимиров и Л. Окулов репетируют сцену из пьесы Марии Чехова «Аду и невеста» — трое трое на украинской студии актерского факультета; внизу — художественный руководитель ГИТИС округе Сталинской области М. М. Тарханов беседует со студентами-выпускниками актерского факультета, справа — студентка украинского отделения (вверху) и Чувашской студии факультета актерского факультета на экзаменах; внизу — на уроке сценической речи профессора Е. Ф. Саргачевой.

Фото Ел. Никитовича.

С М Е Ш А

№ 9
М а й
1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

ВРУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ

10 мая в Посольстве Великобритании в Москве состоялась церемония вручения орденов и медалей, которыми Король Великобритании Георг VI награждает в 1943 году красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов Красной Армии, а также моряков советского торгового флота. Ввиду того что награждаемые, будучи заняты своими военными обязанностями, не могли лично принять награды, Посол Великобритании в СССР г. А. К. Керр передал ордена и медали Народному Комиссару Иностранных Дел тов. В. М. Молотову для последующего вручения их награжденным.

На церемонии передачи орденов в Посольстве Великобритании присутствовали: Посол Канады г. Л. Д. Уилгресс, Посланник Австралии г. Д. Д. Малоней, Советник Посольства Великобритании г. Д. Бальфур, Глава Военной Миссии Великобритании в СССР генерал-лейтенант М. Б. Барроуз, Глава Военно-Морской Секции Военной Миссии Великобритании в СССР адмирал Д. Б. Фишер, Глава Армейской Секции Военной Миссии Великобритании в СССР полковник Р. Г. Тернер, 1-ый секретарь Посольства Великобритании гг. П. М. Кроствейт, С. Л. Бардлетт, Ч. Г. Гиффорд, Т. Г. Барман, Д. В. Лоуренс и др.

С советской стороны присутствовали: Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинский, Народный Комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов, генерал-полковник Ф. И. Голиков, генерал-полковник авиации А. В. Никитин, ответственный сотрудник Наркоминдела СССР К. В. Новиков, Ф. Ф. Молочков, Б. Ф. Подцероб, В. Н. Павлов, генерал-майор В. Н. Естигнинов и капитан I ранга Н. П. Египко.

Г-н А. К. Керр и тов. В. М. Молотов при вручении орденов и медалей обменялись резами.

НА СНИМКАХ: вверху: Посол Великобритании в СССР г. А. К. Керр передает ордена и медали Народному Комиссару Иностранных Дел тов. В. М. Молотову.

Внизу (слева направо): генерал-полковник Ф. И. Голиков, генерал-полковник авиации А. В. Никитин, Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел А. Я. Вышинский, Народный Комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов, генерал-майор В. Н. Естигнинов, Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов, адмирал Д. Б. Фишер, Посол Великобритании в СССР г. А. К. Керр, Советник Посольства Великобритании г. Д. Бальфур, В. Н. Павлов, капитан I ранга Н. П. Египко, генерал Г. А. Хила и Б. Ф. Подцероб.

ноги. Потом остано-
вился и, приказав ру-
левому наблюдать за
горизонтом, направил-
ся к якорю. В это время
Долгополов ясно рас-
слышал доносивший-
ся снизу голос Руда-
кова и без труда ра-
зобрал слова песни:
«Братч не слабей
ниш гордый «Варяг»,
Пошадя никто
не жалет...»

«Что он, с ума со-
шел? Сердито бросил
Долгополов. — Ведь ра-
ней там! — и, не оборачиваясь, спустился
вниз.»

Он остановился в дверях крошечной
кают-компании.
На нижних каютичных бизанях, кото-
рые служили койками в часы отдыха и
сиденьем во время обеда, сейчас лежал
боцман Колесников. Около него неподвиж-
но сидел санитар Рудakov и пла.

Долгополов укоризненно сказал:
— Ты кто это?
— Откоиди, — прервала пове. ответил са-
нитар и указал на боцмана. — Прости спеть,
товарищ командир. Может, от этого ему
легче будет...»

Потом, внимательно посмотрев на Ко-
лесникова, Рудakov встину ему на дню
проткнул и, отвернувшись к переборке,
знавками, Завлашка беззвучно, тяжело, по-
матросски. Он стоял, зажав голову руками,
и командир видел, как подбрыгивались его
пальцы.

— Не время, — сказал Долгополов и, по-
вернувшись, тяжкими шагами пошел на
верхнюю палубу.

Команда ждала его возвращения.
— Ужас Колесников, — проговорил коман-
дир. — Покорили, как побойбает, со всеми
морскими потеснями. А теперь будем ду-
мать о живых, о катере. Когда придет
помощь, не знаю. Да в море об этом и не
думай. Это, как говорят, записной вари-
ант. Но есть еще два других.

Долгополов сделала паузу и так же спо-
койно продолжал:

— Снесет к берегу, — он указала рукой
на синюю полоску, тонкую как нить, но
отчетливо проступившую в час вечернего
заката, — а там вемцы, — значит, будем
драться. Если они заметят ранено и вы-
шлют катера, — и в море будем драться.
Безысконого пологонца не бывает. Ясно?

— Ясно, — подтвердила Штыркин.

А Копайгора, бережно повесив на шпект
кефаль, сказал:

— Так этот вариант-то, товарищ лейте-
нант, выходит, один?

— А в разве сказал два?

— Да, товарищ командир, на товарищей,
серьезно полвторойа плуемтукчи.

— Ну, значит, ошибся, — улыбнулся До-
лгополов.

С наступлением вечера береговой бриз
начал относить катер в море.

— Может быть, еще и с своим вынесет! —
оживился Сидоркин. — Свежее, парус бы
поднять, товарищ Копайгора? Под парус-
ком-то пошла себе и пошла потихоньку.
Нам главное — оторваться от берега, а там
сам чорт — не брат.

— Из чего парус-то? — заметил Копай-
гора. — Я так полагаю, что командир при-
думает, как лучше.

И, не расположенный вести дальнейший
разговор, он отошел к ходовой рубки.

Ночь прошла спокойно.

Перед рассветом на горизонте был заме-
нен немецкий самолет, но он прошёл в
стороне, не обнаружив катера.

На катере всё так же исправно несли
службу. Из часа в час заплывала вахтен-
ный журнал. Пустой оставалась лишь гра-
фа, в которой обычно раньше указывалась

Еще раз прогмела
орудийная вы-
стрел, и над спокойной
поверхностью моря яв-
ричалась обычная ти-
шина. И только потом
уже стали слышны
звонкие всплески за-
борной волны, и на-
мывинные дальфиньи
шлепки, нервные вы-
лазки мотора, полу-
ствоялись запахи бен-
зина и гари.

Горизонт был чист.
Далеко в небе, оста-
ваясь за собой пере-
стий хвост дыма, в сторону берега уходила
последний немецкий самолет.

Хотя опасность, казалось, и миновала, до
экипажа катера ещё жил напряжение только
что прошедшего боя. Вот почему при
уждом возгласе командира ружьи комендо-
ра Копайгора несколько тупялись к завку
орудия.

Всё шло своим чередом, обычно, как все-
гда. Но в тот момент, когда старшина 2-й
статьи Ковников поднялся на верхнюю па-
лабу и доложил командирю катера, что по-
жар в машинном отделении потушен, мо-
торы, шумно засопев, заглохли.

Поймав на себе взгляд лейтенанта, малый
командир добился:

— Беззастенчиво номер три, товарищ
лейтенант, оскоками в решено преврати-
ло. И капля горючего не осталась.

— А в запасной? — шеребля Долго-
полов.

— На четверть часа, не больше. Я пе-
реда приказание Горбылаеву застопорить.

— Превзвимо!

Лейтенант Долгополов меланхолично отб-
влял и, глядя мимо Ковникова, молча
наблюда, как укладывались за кормой по-
чти-точно-ничего бурная. Катер ещё неко-
рое время продолжал идти вперед, но с
каждой секундой он всё хуже слышался
руая и, наконец, тяжело развернувшись по
ветру, закачался на волны неровно, беспо-
мощно, как поплавок. Тогда Долгополов
одним рычком стянута с головы зойдет-
во, бросил на стол ходовой рубки и, огла-
дев усталыми глазами команду, произнес:

— А всплыви мы им прямо по перес-
число!

Это внезапное обращение командира на-
рушило то ровную тишину, которая
вдруг наступила на палубе после доклада
Ковникова. Никто ещё точно не предстер-
дела, что надо делать, каждая ниточка
опасности создавшегося положения. Поэто-
му так оживались и рулевой Штыркин и
командир Копайгора, когда услышали спо-
койный голос командира. А он стоял и,
как обычно, улыбался просто и весело.

— Поцпаша, как кур, — заметла кра-
снофлотен Сидоркин и неожиданно для се-
бя вступил рассмеялся. — Я смотрю, — пояснил
он, — первый самолет заходит, и по нему
из пулемета ударил. Так нет воды — про-
должает лететь! Зло меня взяло: на ж,
думав, зная наших, и дальний как руба-
нуа, так он носом ввлекла в воду, и цепоз
не остался! Ну, Копайгора кромсое сло-
во осалды! С четвёртого выстрела, кажется?

— С четвёртого, — неозомитно ответил
командер, пощипывая густые чёрные усы.

— Не от него ли комсомо-то плавают?

— Нет, Это которому физикалям разнес-
ли...»

А оставшая фривия, товарищ коман-
дир, — обратился Сидоркин, — рыхлая была,
в лоб бокался.

— Сколько же их было? — перебил его,
спросил лейтенант, обращаясь к широко-
плечую и низкорослому усачу-командеру.

— Насчитал девятнадцать, товарищ
командир, а потом плануна. Не до счёта
было.

— Давдаты три, — вставил Штыркин.

— С бакамиными спугал, — ухмылялся
Копайгора и, зная замес ещё горючего
орудия, повернулся к поручикам, затем
свернул со шкорта ухмыляющую кефаль,

Рис. А. Житомирского

разломил её пополам и начал спокойно
жевать подошедши на солнце хлест.
Командир несколько раз пробавлял по
палубе, подтягивая на ходу высокие са-

«Чесменский бой»

Картина художника И. К. АЙВАЗОВСКОГО

как моторы работают и какое число оборотов держат они.

— Кабы баржу какую встретили! — поднимаясь на вершину палубы и отплевывая море, сказал Конников. — Везли бы, да только и дело за горючим. Мотор хоть сейчас залпучу.

Лейтенант оторвался дрейф и объявила команду, что катер поплыв в поlose течени и его снова несёт к берегу.

«Ветерок был отжимной!» — возмуща лейтенант и, достав шпирсопку, залпуча.

— А к вечеру, пожалуй, залпучу, как бы отвечая на выскла командира, осторожно проиняе Штыркин.

Доголопов неопределённо покачал головой.

Ветер едва касался прозрачной, как стекло, воды, поднимая трепетную рябь. Она беском, растекаясь по сторонам. На память пришла осенний просёлок. Точнотого с таким он запомнил его с детства — вбухшим, измазанным и измазанным. Идешь ввязким, нубухшим поем, проминаются чуни, вырывается ледяная вода, обжигая ноги. Тужало, а усталости нет. По узким, вымощенным кладкам, переберешься через бочаг. Нет кладки, идешь по воде. Взглянешь на солнце — высоко! — и прибавишь шагу. В воздухе не опавшая листва, когда, за что тихий и ласковый учитель Николай Порфирьевич всегда хвалял и ставил в пример.

Потом вспоминал, как однажды по такой же дороге бежал он от ребят из соседней деревни. Хотели побить. А за что? Зао ввязло. Возле опушки остановился, оставив друга и велу по пути отступово брану. «Чем бизым быть, лучше самому побить!»

О море тогда не думалось. А увидела — волбиза крепко, как любиза когда-то сруные машинские леса. Так же буило они шумели в непогоду. На палубу корабля поднялся смело. Не ах, не восторгался. Корабль, как корабль. В первый же выход крейсера в море назначали на камбуз. Частна рыбу, Волна перекабывала через борт. Потом приказали перейти на полубак. Трамва до крови, а не лёг, но запаха свежого судака с тех пор не мог переносить.

Когда дали катер, образовался и по мостовости отпустил усы и борду: тужал, строго вид будет. Но носить борду не пришлось. Встретил его контр-адмирал и высмеял.

— Я, — говорит, — молодой человек, тремя крейсерами командовала чотырнадцат лет, теперь на соединении с борду не терпела. Хотя и часное дело, а зачем? Вот, катизи, не знаете ли с крейсера «Красный Крым» связиста? Нет? У того действительнот не борода, а боровый зортыкин. Ну ходит, а вы себя только портите. Ни одна вель девушка не полюбит с такой бордой. Не борода, а расстрелянный конец маньяского троса! Советую сбрызг.

Сбрызг... Вспоминалшя успокаивался Доголопов. Мысли согривали, вселяли уверенность в себе и товарищам. На море всего уставом не преуменьшить, — значит, решать надо самому. Надо решить — на себя же будешь в обиду. Доголопову казалась, что он решит правильно.

— Собрери-ка команду, Штыркин, — спокойно проиняе лейтенант, обращаясь к рулевому. — Занятие проводить по плану. — Беть!

Свободные от вахты спускались в каюткомнатно. Занимаясь место боцмана рулевой Штыркин рассказывал: — Тамка, что и самолёта, бояться нечего. Били их немало на берегу вот этими самими гранатами...

После полудня, когда на вахту заступила командор Копайгора, неожиданно палубу ослепела его радостный крик:

— Братиш! Катер! Эти слова передавались из уст в уста, и лейтенант Доголопову трудно было

Заблывалась, строчил пулемёт.

удержать краснопотен. На верхнюю палубу вымешала почти весь немногочисленный экипаж. С вниманием рассматривали они приближавшийся корабль. Каждому хотелось первому определить, какому дивизиону он принадлежит и кто его ведёт на выручку затерянной команды.

— Наверняка старший лейтенант Москалюков, по фуражке вижу, — авторитетно говорил Копайгора, хотя в этот момент больше был виден бури катера, чем его корпус, не говоря уже о людях.

И только лейтенант Доголопов сообра не пришло ни словцо. Потом он как-то сразу отбрыкну бинюк и, сбрасывая с себя реглан, громко крикнул:

— Немей! Заехали моторы!

Краснопотенцы бросились к пулемётам и орудию.

— Наводить по рубке! — командовала лейтенант.

Противники открыли огонь почти одновременно, и первые снаряды немецкого катера делая с неслыханом. Очередные крупными изобретённых пулемётов команда Доголопова сразу приказала четь немецких матросов к палубе, а кое-кого заставляла спастись за надстройки. С третьем выстреле снаряды Копайгора разорвались в корме, немецкий катер сделал резкий отворот в сторону, но, не сбавляя хода, продолжала вести огонь.

— Чь за чур! — выругался Доголопов и приказал усилить огонь. — Полный вперёд!

С каждой секундой расстояние между катерами сокращалось. И с той и с другой стороны, захлебываясь, строчили пулемёты. Шум проносился над рубкой, щеками палубной обшивки, по рёбрам, рикшотом отлетал от жезл.

На немецком катере не менял курса. Зрывался носом в волну и дымя, он продолжал идти вперёд. Для лейтенанта Док

голова стало ясно, что противник реша прорываться к бие.

— Самый последний! — не удержался он. — Отрезай! — крикнул выскрился лейтенант, стараясь переключить глухую трескотню пулемётов и редкие хлопки оружейных выстрелов.

Не слухая глас с немецкого катера, Доголопов стоял теперь, поднимаясь во весь рост, сильный и крепкий. В усталых глазах его то и дело вспыхивала азартный гонимый, губы были плотно скисы. С минуты на минуту могли заглохнуть моторы. Доголопов не вернула голову и хотел передать что-то рулевому, но в ту же секунду упал на палубу и, теряя сознание, пропал.

Огонь! Отрезай!

Он не слышал, как командор Копайгора радостно крикнул, взыкнув рукой: — Рубку разворотиш! Сидоркин. — и, не договориш, упал на палубу, но ту же вновь поднялся на ноги.

Орудие продолжало стрелять к завету допосона, поинившийся на верхнюю палубе краснопотен Горбылёв. Приподнятый Сидоркин, немец Доголопов обернул на зоровое козало и проросил голову к холодной стали рубки. Перед ним, как в тумане, едва различимо выставлял низкий борз чужого катера.

— Прокочиг! — едва успела подумать он, как раздался глухой треск и моторы обих катера заглохли.

— Бросайш! — одним гудам проиняла лейтенант.

Первым на палубу немецкого катера прыгнула рулевая Штыркин и, ударив финкой высушенного мяса за рубку, немчезом и молотком бросился к машинному отделению. Сигнальщик Петренко. Они в упор стреляли по надстройкам и люка немецким мотористам.

— Бей! — гремел Копайгора и, выхватив из-за пояса гранату, бросил её вниз.

А на корме, сцепившись мёртвой хваткой, по палубе каталась немецкий офицер и старшина Конников. Конникову удалось приставить, он приподнял офицера, но, поскользнувшись, вместе с ним вывалился за борт. Стрельба было невозможно: они то повалились на палубу, то вновь уходили вниз, буржуаю воду.

— Ах ты дьявол! — выдержал Штыркин и забнё уже было ного на поручни, когда из воды повизгалось чь-то рожу, державший носом, и мгновенно вновь скрылся под водой.

А через несколько секунд у борта, отформировавшись, показався Конников. Он оттолкнул от себя ногой тело немецкого офицера и, едва переводя дыхание, крикнул:

— Здоровый, чур!

К нему потянулись руки товарищей. По тинишке, который стояла на катерах, Конников понял, что всё кончилось, и первыми словами его было:

— А где командир?

В это время Сидоркин закончила переязы Доголопова и подзвала к себе Штыркина:

— Командир зовёт.

— Течи нет? — тихо спросил лейтенант.

— Пробуюш забияи, товарищ командир.

— Моторы можешь завести?

— На каком двигателе?

— На своём, конечно, и Доголопова слабо уабылшся.

— Моту, теперь бензин есть.

Пойдем на свой катер, в эту секунду взить на буюр.

В КЛЕРМОН-ФЕРРАНЕ

Рассказ

1

— Сегодня я попробую раздобыть масло. Если не выйдет, завтра ты этим займешься.

— Раймон, ну ужаме нужно, чтобы ты сам?..

— Надежды не так много... И обойдётся дорогоато. Ну вот именно поэтому...
Чтобы не слушать возражений, поаоажим грубку.

Идет снег. Неважный калмаат в нашем Клермон-Ферране. Везде копоть, равнина унылая. Скавать грязь, дождь дозволао уродана. Да, собственно говоря, города нет, есть только бесконечные заводы. А центр лучше обходить.

Говорят, что в решительные дни люди вспоминают свою жизнь. Шестнадцатилетним мальчишкой Раймон захотел стать авиачиком, хотя как сын слесаря ему полагалось бы стать аиш слесарем. Он усердно посещал авиакружок, впервые открывшийся для таких, как он. К самолётам их не допустана, но всё-таки пригласилось. Не авиачик, так механик. Вот и герр Врешке советуется с ним.

— Месье Раймон, почему этот мотор даёт перебой?

Но откуда же Раймон это знает? Врешке — инженер, а Раймон — только механик.

— Доброе утро, месье Бенуа. Чем вы недовольны? На рынке ничего нет? Да ведь, пожалуйста, крестьянам уже ничего неети в горах. Вам помогут немецкие офицеры. Они так любят ваш ресторан.

Месье Бенуа всегда рад Раймону. Несмотря на свои 24 года Раймон — расудительный человек. Остальная молодежь сошла с ума. Никто не хочет работать. Не хотят ехать в Германию. Почему бы Раймону не поехать?

Раймон выдыхает. Он бы поехал, но его не пускает герр Врешке. А почему бы месье Бенуа не перебраться в Германию свой ресторан?

Из патриотизма, отвечает Бенуа. Без политических и без таких, как Бенуа, во Франции была бы сумасшедший дом. У немцев не хватало бы солдат, чтобы справиться. Бенуа всей душой предан маршалу Петэну, месье Аваляо...

Смотрите! Ну это просто чорт знает что! Пока они тут разговариваюа, на стене появилась листовка! Вот, за спиной Раймона. Они оба не смотрели в ту сторону ни...
Что там написано? «Тренците, предаатели!» Адресовано прямо Бенуа! Кажется, действительно надо ехать в Германию!

Как неосторожно студент! Раймон думал, что своим званком он поднял Андре в постель, а вот он уже здесь. Зачем? Кому нужно, чтобы их видели вместе?!

— Ты смилком раскуеши, Раймон. Вот сейчас с этим мерзавцем. А если бы он заметил, что ты проделал у себя за спиной?

— Ты видел? Да, это, пожалуй, верно. Просто не мог удержаться. Не подражал мне и убрался домой.

— Сейчас. Я... и только хотел пожать тебе руку... Перед тем, как ты... Имей в виду, я всё время наготове. И ещё одно.

Рис. Л. Бродаты

Документы? Пожалуйста, герр лейтенант!

Идет снег, и я вспоминаю стихи старика Гюго «Отступление из России». Это об армии Наполеона. Начинается так:

«Шёл снег. Завоеваны побеждало
Завоевателей...»

— В самом деле здорово! Из России они бегут. А снег идёт и в нас. Уйдут и отсюда. Надо признать, Гюго понимал своё дело.

2

— Доброе утро, герр Врешке, как вы рано встали! Да, сегодня большой день. Накончатся мы омысли новые моторы. Алгачиме и не предполагают, что в Клермон-Ферране... Комиссия не найдёт ни одного изъяна, будьте покойны. Не то, что в прошлый раз.

У нас новый сотрудник? Этот герр говорит по-французски: Ах, он француз! Очень приятно. Нет, не инженер и не мастер. Кто же? Уполномоченный месье Дарьяна, шефа всей полиции. Вот что? Кажется, очень энергичный человек, этот месье Дарьян. Чем Раймон может служить уполномоченному шефа всей полиции?

Администрация боится покушения? Но чужому человеку на завод не пропущат. Сама рабоче! Все они со раз проверена. Их обыскивают. И очень строго.

Уполномоченный останется в цехе. Место с Раймоном они уж уберегут моторы. Ну, конечно. Но поучаил ли уполномоченный, где он будет обседать? Раймон может порекомендовать очень хороший ресторан. Валаелец, Бенуа — горячий сторонник «сотрудничества»...

Сколько может идти снег? Сутки, двое суток. Мы, клермонферранцы, привыкли к плохой погоде. А снег даже любим. Уполномоченный терпеть не может снега, по тому что он был в России? С легионом Дорно? Скажите, пожалуйста, какой геррой! Там было очень холодно? Нет, там было жарко! Несмотря ни на снег, ни на мороз.

Раймон простощен: ему пора в цех.

А почему, оказывается, ничего не делают. Почему? Застря комиссия, моторы должны быть готовы.

Они не жаеаот работать под присмотром шпикаов.

Может быть, они предпочитают проехаться в Германию?

Они хотят говорить с ним по душам. Он неплохой парень, именно поэтому они предупреждают его: патриоты не простят ему, что он работа на немцев. В городе, десомонно, есть организация патриотов. Она, наверно, уже звала его на заметку. Во Франции больше честных людей, чем предполагают немцы и дарьяны. И если Раймону безразлична судьба Франции...

Хорошо, хорошо, разговоры — потом. За работу!

— А если ты, Жан, в следующем раз, когда меня будут учить патриотизму, присянешь, честно слово, я съезжу тебя по физиономии. Можешь незаметно позвонить по телефону? Запомни номер, а потом забудь. Скажешь: «Для вас есть масло, надо немедленно взять его у продавца». Повтори. Больше ничего. Понял? Вреште, ты ничего не понял. Пошёл!

«Судьба Франции... Что же, дорогие мои товарищи, хорошо, что и вы неплохие французы. Знаете, что вам скажет Раймон? Для Франции можно сделать всё. Смихните? Всё! Когда-нибудь поймаете...»

3

Уполномоченного зовут месье Моран. По дороге в ресторан он может рассказать Раймону, почему он так жалеет Раймона? Знаете, как он споеа от русских? По колесо, а то по пояс, а раз даже по гороа в снегу он бежал, бежал, задыхаясь, бросив винтовку, потеряв товарищей и всё, что он несобирая у жителей...

Приятный рестораничик, ничего не скажешь. Теперь, после того как они испрыснули друг дружку, Моран скажет Раймону несколько слов о деле. Надо выявить полорзнических рабочих. Раймон поможет уполномоченному не правая ли? Конечно, за вознаграждением. Месье Дарьян не скупится.

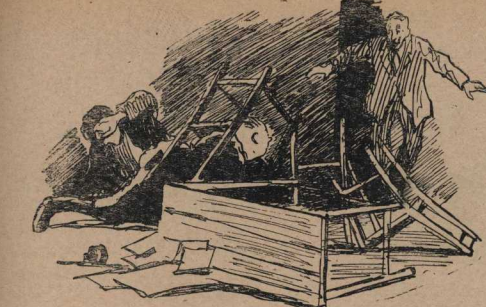
Смотрите, пожалуйста, — немецкий патруль! Да, в городе благополачно, если немцы выследят свои патрули. Даже с офицером. И какой молодецый! Новоео парню, вместо русского фронта Клермон-Ферран, ресторанички, окупационные марки...

Документы! Пожалуйста, герр лейтенант! Мы с вами, так сказать, одной веры. Моран — это русский фронт. Моран — уполномоченный Дарьяна. Вернейший друг Германии, восторженный поклонник фюрера.

— В коммандатуру? Но позволаете. Тут нездоразумение!

Раймон вотпрет нездоразумение. Лейтенант проверяет документы Раймона. В порядке. Раймон может идти. А Моран будет отведать в коммандатуру. И без разговоров! Усели!

Ну и ладно! Этот Андро! Форма сидела на нём, как вылетала. И какой аламо! Как роскошный немецкий адидент С такими способностями можно идти на пенсию.

Герр Брешке бежит им навстречу.

А вот трёх другим надо будет сказать, чтобы в следующий раз они держались не так безучастно. Это переиграно. Немцы туны, но не настолько. Но Андрэ! Какой молодой Вель Моран ни на секунду не усомнился! Теперь Раймон совершенно спокоен: в случае чего Андрэ, конечно, заменит его. Прибежав утром, чтобы позвать Раймона вуюку. Как эти стихи!

«Шах слюг. Завоевание победило! Завоеватель!»

Снег всё идёт. Побегите и из Франции, как Моран из России! Стало ему страшно, чтобы найти свой командир! Русские товарищи, солдаты Красной Армии! Прините рапорт молодых французских патриотов: что касается некоего Морана, мы закрыли счёт, который вы могли бы предъявить ему.

4

— Герр Брешке! Герр Брешке! Звоните сейчас же в нашу командатуру! Натрала заварава Морана! Надо объяснить им. То есть как никого не признают! То есть как патрули не выслаивались! Это говорят в командатуре! А кто же нас задерживает!

Это уже выясняется. Пусть Раймон не полунется, его ни в чём не подозревают. Пусть идёт в цех.

Этот мальчишка Жан позволяет себе слишком много. Ты доводишь, Раймон? Что ты знаешь, молокоос? Спать прискаешь? Патриот должен быть нем, как рыба, и невозмутим, как памятник. У тебя есть алиaska! Давай скорей Осторожно, замест!

«Масло в банке». Надо признать, что Андрэ — совершенство. Раймон не сомневался, что масло уже в банке, но сообщить ему об этом так спорно... толково, очень толково!

Что, Жан, хочешь узнать, что в записке! На, читай! Много понял!

Масло — это ломый шпик, а банка — сливки, пожадуется, какой догадливый! Ну, вот что, Жан. Речь идёт об очень серьёзных вещах. Во-первых, нужно, чтобы моторы были готовы к вечеру. А когда они будут готовы... Ты уверен, что наши пакетики немцы? Два раза в день проверься! Это, пожалуй, слишком часто, как бы не обратили внимания. Но пакетики мелед и с сором, куда выносятся сор, а сор выносит Жан, и с пустыми руками он в сырой иголке не ходит. Так вот к вечеру, когда рабочие начнут уходить, надо будет пригнести эти пакетики сюда. Жан тоже уйдёт, а Раймон... Раймон останется! Понимаешь, мальчик, человек — это только маленькая чешечка Франции, а Франция — это мил-

люоны людей и сотни лет и тысячи поколений. И чтобы Франции было чем дышать, чтобы немцы не отравляли её воздуха, чтобы ты, Жан, не забыл, что такое свобода и, может быть, получила когда-нибудь представление о том, как выглядят счастье, нужно, чтобы каждый из нас не боялся рисковать. Вот и всё. А в случае чего Жан получит указания от очень симпатичного студента. С ним Жану будет весело работать. Он знает много стихов. Только, Жан, не забудь убраться по всем чертам, как только прирешес сюда пакетики.

— Всё в порядке, герр Брешке. С утра, скажу вам правду, работа подвигалась медленно, но сейчас рабочие разошлись. Я позвонил себе обещать им от вашего имени, что сегодня они уйдут домой пораньше, если моторы будут готовы.

Меня вызывало в контору? Довольно! Осталось каких-нибудь полчаса. Я не хотел оставить моторы, пока все не уйдёт. О, не за что меня благодарить! Представитель самого команданта? В таком случае бегу!

Вот как это было, господа обер-лейтенант. Раймон и Моран вышли в контору. Это известно! Их там выслал! А когда они вышли из ресторана и прошли шагов двести, внезапно... И это известно! Тем лучше. Описать тех, кто выдал себя за патруль? Боже мой, если бы Раймон догадался, как рассматривал бы их внимательнее. Рост офицера? Метр 70. Почему такая точность? Потому что рост самого Раймона — метр 72, офицер же был чутьюк выше. Брешке или блондин! Коротко остриженный, как вы, немцы, любите, и в фуражке, так что Раймон не разглядел. Га-га-га! Голубые, конечно. Как у всех немцев. Это не была немка! Ах, в самом деле! Но никому не пришлось бы в голову. Он говорил по-французски с таким немецким акцентом... Может быть, обер-лейтенант отпустил Раймона? Рабочие уйдут, а он должен принять моторы. Описать сюда? Но на них он совсем не обратил внимания. Возраст, рост, цвет волос и гаал жалко!

Но не может же Раймон фантазировать, а где ему было запомнить это! Честное слово, рабочие уйдут! Если что-нибудь окажется не в порядке, отвечать придётся Раймону. И герр Брешке.

Обер-лейтенант знает, что администрация очень довольна Раймоном. Поэтому он рассчитывает, что Раймон сможет ему рассказать это дело. Нет никакого сомнения, что тут заменил кто-то из рабочих. Пусть Раймон поставит себе задачей следить за выношением.

Но, боже мой, где Раймону взять из это

время! У него такая болячка и слезная работа! Конечно, обер-лейтенант ослеп, вероятно, является ичуждой, но Раймон не получил высшего образования, он только механик. На нём такая ответственность за моторы, где же ему отвечать ещё и за людей! И он так полунется за свою работу, что там сейчас в цехе без кого? Можно ему идти?

Пеззано Обер-лейтенанта сбросило со стула, а Раймон ударила головой о стену. Но не может быть в цехе Раймона. Они не работают со взрывчатными веществами! Смотрите — дым! Пожар! Ради бога, бежим, посмотрим!

Герр Брешке бежит им навстречу. Несчастье! Ужасное несчастье! Ужас — преступление! Рабочие сняли последний мотор со станка и ушли, как бы было очевидно. Заверещала только мальчишка Жан. Кто бы мог подумать! Он сам признался. Умирая, он сказал: «Эго я, я один».

Умирая?

Ну, да! Он взорвал цех. Когда повалился рабочий штаб, в помехении осталась только Жан, с горными ведрами. Он тоже торопился. Он сказал: «Я сейчас, герр Брешке, не закрывай помещения, и только поставь ведра на место и порывайся». Герр Брешке зашёл в это время... Негодяй торопился или не знал, как надо обращаться со взрывчатыми веществами. Но все моторы погребли! Все! Без остатка! Сморготли! Кушки метала! Мертвые кушки метала!

Что с вами, Раймон! Вам жалъ вашей работа? Возьмите себя в руки. Надо составить акт, надо принять меры. Вы же знаете у этого Жана есть родные! Вы слышите обер-лейтенанта? Ну, хорошо, мы с обер-лейтенантом пойдём на место преступления, а вы постарайтесь прийти к себе.

Такие моторы, герр Брешке, такие моторы! Такой золотой, такой чудесный мальчик Жан, ты ринна слова Раймона, ты ринна сам... И ты, правда, не знаа, как обращаться с этими пакетиками. Наверно, просто повисе сначку — и всё. Ты ведь время идёшь, меня нет, кто знает, что тут со мной делает. Может быть, немцы догадались о том, о чём догадался ты с этой французской сообразительностью... И тогда моторы достанутся им немочками. И ты ещё ринна, что лучше, чтобы погиб ты, чем твой начальник, твой командир... Жан, пока у Франции есть твои дети, как ты, никто, никто её не поворит.

...А снег всё идёт. Это что! Сумка обер-лейтенанта. Посмотрим! «Секретный багалець для офицеров гестапо. Ни в коем случае в разговоры с французскими немцами не признавать, что под давлением русских наши ребята охотно советскую территорию...» Ага, отступление из России продолжается! Русские товарищи, вы слышите, вы уже спасли мир. Но взгляните, прошу вас, разве Жан не достоин вас!

ДЕТИ ФРОНТОВИКОВ

Страна окружена заботой детей, отныне которых с оружием в руках отстаивают свободу и независимость нашей родины, эти навыки сделаны в детских садах завода «Красная планетина» (Москва) и Володарского района (Ленинград). Под наблюдением опытных педагогов и врачей, выросло и с пользой для себя, проводят здесь ребята лето. Их отцы, находящиеся на фронте, и вестер, работавшие на предприятиях, могут быть спокойны за своих детей.

Фото Я. Халипа и В. Федосеева

Антон Пришелюк

АВТОМАТ

(Из стихов о сыне)

Ты в цеху заводском встала
Вырабатывал автомат.
Но какая теперь пора:
Выл ты солдатом —
Стад солдатом.
Может быть,
В час атаки, там,
По счастливому обороту,

Попадётся твоим рукам
Автомат,
Что ты сам сработал.
Ты не вспоминай тогда о нас,
Крепко спишь тыную локу, —
Будет он тебе в этот час
Всех друзей,
Всех родных дорожек!

В. Голубева

ПИСЬМО, ЗАБЫТОЕ В КНИГЕ

В вузовском комитете комсомола, как всегда после лекции, было шумно. Обсуждались десятки дел. В комнату вошла женщина. В руках ей держала книгу, взятую в студенческой библиотеке.

— Я к тебе, — позволюсь сказать он секретарю комитета. — Вот в этой книге оказалось случайно забытое письмо. Его письма, должно быть, наша студентка. Прочитай.

И женщина подав листок бумаги, испещренный мелким почерком, с перепёрнутыми словами и строками.

«Здравствуй, дорогая Риточка! — начала вслух читать письмо секретаря. — Как я рада, что узнала, наконец, твой адрес. У меня столько терпенья за два года, мне так хочется рассказать тебе обо всём. Впрочем, напишу всё по порядку.

Николай ещё в августе 1941 года уехал на фронт. Моя сестра Зина (ты её, наверно, помнишь?) эвакуировалась с детьми в город Москва. Я с мамой осталась в Москве. Но в октябре она простудилась, заболела крупозным воспалением лёгких и умерла.

Риточка, ты представишь себе не можешь, до чего я осталась одинокой! От Николая письма приходили редко. Родные все разбежались, знаешь-тоже. 30 ноября и вдруг получала известие о гибели Николая. И я осталась совсем одна: мама умерла, брат убит, муж где-то на фронте. Настроение было ужасное. Вся жизнь развалилась. Деньги, которые я получала от Николая, расходовались по мелочам, мне их ни на что не хватало. В квартире было страшно холодно, но топлива, дров у меня не было. А главное, после смерти Инги я жалко слезлась, в университете почти не бывала, делать ничего не могла — всё валялось из рук.

А потом всё переменилось. Я как-то встретила Ирочку Окуневу, она стала звать меня к себе. Я знала, у неё было много народа, пиэфон, танцы, кино и такое веселье, словно никакой войны нет. Ира работала на заводе. Среди гостей была и начальница её цеха. Он стала за мной ухаживать, проводила меня, зная ко мне на следующий день. В общем всё стало с ним видется каждый день. Я ему очень нравилась, и он всё просил, чтобы я была с ним всегда.

И я знала, что отвечать. От Николая тогда целых два месяца ничего не было. И я чувствовала бы себя страшно одинокой, если бы не Миша. И уже привыкла к нему. И знала, что если и откажу, он перестанет бывать у меня, а это значит — опять одиночество и тоска.

Сама понимаю, что и материальные условия были у меня не блестящие, а у него — хорошая квартира в большом доме, прекрасное снабжение.

Тогда я подумала: стоит ли ради призрачного счастья с Николаем отказываться от словесной и удобной жизни с Мишей? Правда, Николай я любила, но ещё не известно, вернётся он или нет. А Миша мне понравил. Но главное, он был рядом со мной. Мы возмужали.

Жизнь я сейчас очень хорошо. У меня отдельная комната, а часто бываю в театре, танцую. Миша одевает меня, как куклу, но всё случается и очень люблю. Учуся уже на третьем курсе.

Единственно, что меня мучает, — это мой отношения с Г. Уласс. Через ме-

сия после свадьбы мне прислала от старой квартиры его письмо. Оказывается, он был в окружении и только во время наступления ему удалось вырваться. Он так перла мне, что, разве что маа, что мне стоило стремно написать ему правду. И я ответила ему, как всегда, как раньше. Мы переписываемся так с ним уже два года, и я не знаю, что будет дальше.

С одной стороны, ему так легче, а с другой — азрут он приходит сюда, что я тогда буду делать? Мишка не знает об этом. Как теперь быть? Ритича, милая, ты видишь, что ты об этом думаешь? Посовещуй мне что-нибудь. Ты ведь теперь мой самый близкий друг. Как живешь? Учишься ли? Как здоровье? Как настроение? Жду писем. Целую крепко-крепко. Твоя Лена.

Привет тебе от Жени, от Иры и Николая Веселовича. 12 января 1944 г. Москва.

Наступила короткая пауза. Ее прервала комсомолка Алла Петрова:

— Надо выяснить, с какого она факультета эта Лена? Видать ее да пристыжить бы следует. Ей же надо быть развее, еже счастья стараться, а она убито устроилась, нарывается, несется и обманывает того и другого. Только позорит советское студенчество!

— Подожди — остановила девушку студентка Тоса Быстрова — сразу выяснил, что ничего еще в жизни не переживала. Это верно, что поступок Лены нечестный. Но у нее, видимо, слабая воля, она поддалась горе, не выдержала испытаний.

— С каких это пор слабая воля может служить оправданием? — горло защелкал в разговор Юрий Герасимов — Будем называть вещи своими именами. По-моему, поступок Лены — предательство.

Весьмужушный спор прекратил секретарь комитета:

— Тише, тише, друзья! Я вижу, письмо заинтересовало вас. О нем следует серьезно поговорить...

Есть у письма, найденного в книге, багет — распространяется среди студентов. Поступок Лены стал поводом для разговоров о чувстве долга, о верности, о человеческом достоинстве. Шельма, раскрывавшая внутренний мир студентки, запугивавшая в личных делах, измывалась молодежь. Страстные дебаты о том, в чем заключается вина девушки, продолжались и в переписке между лекциями. Тогда комитет комсомола решил обсудить поступок Лены на собрании студентов.

— Ожидать ничего не приходится: в назначенный час аудитория была переполнена. Атмосфера накалялась сразу же после первых выступлений.

Студентка Зина Осипова обрушилась на тех, кто пытался найти оправдание поведению Лены.

— Тысячи женщины и девушек — славная сила в своей выступлении — оказались в таком же положении, как и Лена. Большие тои: многие потеряли не только близких, но и советский угод, попали в незнакомые места, к незнакомым людям. И все же они не спугались голодом, остались верны своим мурьям и ждут их не месяца, а годн.

Дал Лены одиночество — ширма. Вот ее предложение: «Стоит ли ради привраченного с Николаем отказываться от естественной и удобной жизни с Михаилом? Другими словами, «хватить жизнь за хвост, не упуская драгоценного времени». Вот против этого мы и должны сегодня выступить. В письме Лена говорит о своей любви к мужу. Куда же любовь, нестоящая, если она не выдержала и двухмесячного испытания. Моральные устои Лены пошатнулись, как только ей представилась возможность более спокойной и

сытой жизни. По логике вещей можно прийти к такому выводу, понади автор письма в руки врага, где ей будут ждать куда более тяжкие испытания, она окажется в руках немощных и преданных.

Словно взяла студентка — Нала Флорова. Она заявила от предельно высоких выводов. По ее мнению, Лена совершила ошибку.

— Если возьмем самый факт: муж на фронте, жена вышла замуж, — говорит она, — кто же одобрит такое поведение? Но осуждать легче всего. Почему бы не попытаться понять ее по-человечески? Вспомним, что переживала каждый из нас, москвичи, осенью 1941 года. Тяжело было время. А на девушке еще свалилось большое личное горе. Умерла мать, уюм братья, муж не пишет, и есть основания предполагать, что он погиб. Друзья не сумели ей поддержать. Она опустилась, забросила университет. В это время случайно ей встретился человек, повлиядший, честный, порядочный, который полюбил ее. Ей пугало одиночество и неизвестное будущее. Тогда она решила стать женой Михаила.

С тех пор как пришло письмо от Николая, в ее душе начался разлад. Она боится написать ему правду. Но его страх не за себя, а за него. Ей тяготно жить, и она ищет выхода, просит совета. В чем вы ее обвиняете?

— В измене, — посылалась реплика из зала. — В том, что изменила своему мужу-фронтовику, любимому человеку, который, презирая смерть, сражается за родину, и за нее, верит в нее, как в звезду, мечтает о встрече с ней...

Словно взяла студент Горюв. — Мы должны не только свою студенческую среду, но и окружающую нас молодежь воспитывать на принципах социалистической морали и нравственности, — горячо говорит он. — Обани студентки, писавшей это письмо, весьма неприемлемы. Частую жизнь, Лена взяла расматривать себя изолированно от переживаемого нами сурового военного времени.

За что мы обвиняем здесь Лену? За ее эгоизм, за аморальность, за обман и предательство близкого ей человека-фронтовика. По-моему, она совершила и продолжает совершать по отношению к нему подлость. Каждый из нас в эти тяжелые дни в своих мыслях и делах руководствовался прежде всего интересами фронта, интересами родины. Тысячи девушек, жён в трудный момент пошли на фронт, чтобы раздаться!

Виктор Габсгария

Ласково кивает ей прохожий,
Как сестра, она любима тут.
В дом заглядан — и, хоть всех моложе,
— Перед ней хозяева встали.
И не раз сосияем с расвета
За ней взрыхлялся целина.
Сердце трогает ей нежность эта,
Ну, а чем заслужена она?
Почему же люди без злетья
Щедро дарят ей любовь свою.
Не узнает... — Врат убит в бою.
Только не решаются сказать ей.

Перевод с грузинского
Д. Бредского

учетъ близких им людей. А Лена? От первых ударов судьбы она раскисла, потеряла волю и поспешила кинуться на шею первому встречному человеку. Ее не огорчило и то обстоятельство, что сын фронтовика получил доносный аттестат от мужа. Я совершенно согласен с теми предположениями, которые высказывались здесь, что Лена совершила ошибку, только при известных обстоятельствах привести автора письма в объятия врага.

Когда слушаешь тех, кто выдвигает в защиту Лены ее одиночество, перед глазами невольно возникает образ другой девушки, девушки, которой гордилась вся родина — Анной Героники Зои Космодемьянской. Проставте себе весь ужас одиночества, который могла испытать эта девушка, попавшая в лапы фашистов. Но Зоя знала, что она не одинока, что с ней вся советская молодежь, весь советский народ, и поэтому шла на смерть с гордо поднятой головой.

Меня поведение Лены возмущает до глубины души. Получила известие от мужа, она даже не сделала попытки написать ему письмо, а на протяжении двух лет трусаво ажет в письмах к Николаю. Два года подлая она обманывает и Михаила, скрывая от него тот факт, что Николай жид. Если бы Лена была честным человеком, то, получив письмо от мужа, она прежде всего должна была сказать об этом Михаилу и, может быть, вместе с ним обратиться к тому же комитету студенчества. Если равно, рано или поздно, истинное обнаружится, и мне кажется, как Николай, так и Михаил увидят Лену в том неприглядном моральном облике, в каком она предстала перед нами.

Свою точку зрения по поводу обсуждаемого письма высказала студентка Великая:

— Мы судим, товарищи, человека, — говорит она, — который совершил недостойный поступок, но сами-то мы не оказали ей никакой поддержки. Както из нас, студентов, не возмущались вовремя, почему девушка перестала ходить на лекции, забывая о ней. Вот почему она почувствовала себя одинокой. А если бы комитет поддержал ее — может быть, всё это и не произошло. Поэтому долее ей вины мы должны принять на себя. Пусть это послужит уроком на будущее нашим студенческим организациям.

К трибуне поднялся молодой человек в шинели. У него нет одной руки. Василий Баженов недавно вернулся с фронта. Глухолатым голосом, сдерживая внутреннее волнение, он говорит о том, как живит фронтовики.

Если бы Николай жил с нами в эмиграции и это письмо попало к нам, пожалуй, не поздоровалось бы Лене от его друзей.

По-моему, она типичный обманщик. К чистоте, темне у нас комсомола. Кто для неё тактико понятиа, как гордость русской девушки за своего героя, высокие принципы, идеалы! Лена спешит устроить свою для ней провинцию всего. Для того и обманывает, что бы поступок сегодня, чтобы сказать: такое поведение чудно советской молодежи, чудно нашей социалистической морали...

...Диспут на этом не закончился. Впроеор о вине Лены, о том, должна была поступить раньше и что должна сделать теперь, продолжал волновать молодежь вуза.

Письмо, забытое в книге, затронуло тему, близкую и волнующую. — о даге верности к другу, сражающемуся на фронте.

Автор письма — Лена — чувствует припадке своей раскаяния. Кто знает, может быть, ее спокойная и удобная жизнь! Она спрашивает свою подругу:

— Что ты об этом думаешь?
Как бы мы ответили ей на это вопро!

2

1

3

4

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Н славно мне пришлось побывать в знаменитой Военной академии имени Фрунзе.

Академия была создана по инициативе Ленина. Сохраняя подлинник декрета за подписью Владимира Ильича, положили начало новому военному образованию в Советском Союзе. Фундамент одной из старейших военных школ России.

Не так давно Академия отпраздновала свой двадцатипятилетний юбилей. За заслуги перед Красной Армией она получила с орденом и поздравление товарища И. В. Сталина, подводящего итоги деятельности Академии и имеющее еще дальнейший путь.

Достижения Академии имени Фрунзе, действительно прекрасные, в дни войны удостырились. Офицеры, специально отобранные из действующих частей Красной Армии, получили максимум теоретических и практических знаний. После испытаний они сразу же направляются на фронт и приступают к работе, обогащенные знаниями современной военной науки.

День слушателя Академии сейчас загружен до предела. Теоретические военные науки, занятия в кабинетах, лабораториях и читальном зале чередуются с практическими занятиями за городом, в условиях, максимально приближенных к боевым. Спорт, упражнения с холодным оружием удаляются не малыми.

Мы обшарили аудитории и кабинеты Академии. Мы увидели множество офицеров разных возрастов и разных родов оружия — от лейтенанта до подполковника включительно. Почти все они носили на своих мундирах боевые ордена и медали за героическую Ленинград или Севастополя; я встретил даже нескольких офицеров, с которыми познакомился в Сталинграде в 1942 году.

Нас провели в большой зал, называемый танкодромом.

На снимках: 1. Двор
2. Миниатюр-танкодром — зал
3. В классе артиллерии — вид
вид артиллерийского класса в
танкодроме, 7. У входа в танкодром

ой Вирта

АКАДЕМИЯ

Здесь на пространстве, изображающем долину, ограниченную горами, с рекой, линиями железных и шоссейных дорог, с деревушками и рощами, противотанковыми заграждениями и артиллерийскими батареями, ползали три танка, каждый размером в сорок сантиметров; танки управлялись электрическими приборами.

Управление концентрировалось на приборе, точно повторявшем механизм управления настоящим танком. Офицеры сидели на месте водителя. Они нажимали рычаги сцепления. Первая скорость — и маленький танк начинал двигаться; вторая, третья скорость — танк шел быстро; офицер нажимал на педаль подачи газа — и танк мчался, повинуясь любому нажатию рычага. Начинали стрелять пушки, и эволюции танков становились всё более сложными.

В другом зале мы увидели миниатюрный артиллерийский полчок. Тут десятки офицеров постигали искусство управления артиллерийским огнём.

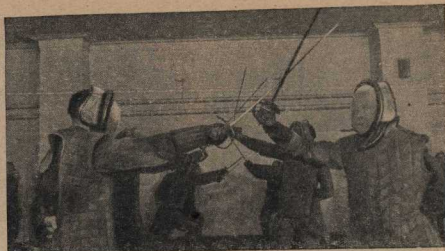
Громадный читальный зал был наполнен диктофонами. Здесь у каждого свой рабочий стол; офицеры занимаются, не мешая друг другу.

Потом мы посетили исторический зал. Здесь висят портреты слушателей Академии, прославившихся впоследствии. Легендарный герой гражданской войны Чапаев учился в Академии. Учились тут маршал Советского Союза К. Ворошилов, С. Бухарин, многие из полководцев нынешней Отечественной войны. На некоторых фронтах всё высшее командование — бывшие слушатели Академии.

«Военная академия имени Фрунзе не знает перерывов в работе. Как только заканчивает свою программу одна группа офицеров, — следующая группа заполняет аудиторию, и так все дни войны».

инструктор-танкодром — общий вид
итания по управлению танками
противотанковой пушки. 4. Общий
4. Урок фехтования. 6. В спор-
тивном зале.

Фото Г. ПЕТРУСОВА

5

6

7

Лев Николаевич

Золотая звезда

— повесть —

(Продолжение *)

Рис. Г. Валюка

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Профессор Хединков получает печальную весть о гибели сына на фронте. В булгаке сада профессор находит незнакомое письмо на имя С. Боровова. Он переводит письмо на немецкий и видит, как близко приближает к сердцу это известие. Женщина делится его слезами.

Жанна идет своим чередом к танку и на орудии. Нам сообщает доставляет в немецкий фронт. Нам сообщает доставляет в немецкий фронт. Нам сообщает доставляет в немецкий фронт. Нам сообщает доставляет в немецкий фронт.

Глава IV

ГОСПОДИН ИЗ «РАСЫ ГОСПОД»

Командит города Палеца полковник Рихард Шпанек смотрел из окна на пустынную базарную площадь.

Дерева уже пожелтели, осенние облака неподвижно стояли над городом.

Мокрые флагаи со свистящими высеками, как тринки, на фальшивом старинной крепостной башни. День был серый и ветреный, с утра накрыла дождь.

«Лето прошло», думал Шпанек, — еще одно лето! Не может быть, чтобы будущим летом и опять была зима.

По площади прошли три солдата: сменился караул у коммандуры. Только один из троих шел, печатая шаг, как полагается солдату, двое других шли гавану, волоча ноги. Вид их огорчил Шпанека, он перестал глядеть в окно и перебежал взгляда на человека, который стоял перед ним. Когда-то приятная одежда была на нем изорвана, в спутанных русских волосах застряли солома и сухие травинки. Он потирал затеявшие руки и стоил, слепя поглядываясь. Лицо человека было очень бледно, шею, увеличившая опухоль безобразила его верхнюю губу.

Ну, Ерофеев — скучно сказала Рихард Шпанек, — ты и есть Ерофеев? Человек стоял, опустив голову, он с трудом рассматривал, что говорила этот латинский, худощавый немецкий офицер с лицом, исчерченным морщинами.

— Вы известный Ерофеев, — продолжал немец, и человек слышал его голос, как сквозь вату, — вы можете есть, вам трудно стоять, садитесь вот там.

Немец покосился на стул. Потом он подцекла карандашом по длинным ногтям

и посмотрел на лежащую перед ним бумагу.

— Вы занимаетесь довольно хорошее положение, много здесь нас знает, почему вы не пришли ко мне сразу, когда объявлены регистрации советских работников?

— Не знаю... — ответил тот, кого немцы называли Ерофеевым. — Не всё ли равно — тогда или теперь...

— Разница есть, — сказала немец, — тогда бы не было всего этого, — и он покосился глазами на опущенные, как пальги, руки Ерофеева, на его изорванную одежду.

— Я говорю то, что знаю. Вышли люди, которые приходили на регистрацию, и я знал таких людей, и что с ними стало?

— Вы не должны так говорить. Это зависит от людей, которых вы знали.

— Я написала вам, господин командант, несколько писем, никто не обратил на них внимания.

— Я прочла ваше последнее письмо... вы имете хороший слух... Какое у вас было неприятности по службе при советской власти? Вы имете, что у вас есть основания быть недобрым. Вы имете, что были под судом. В чем вас обвиняли? Это — не политическое дело.

— Уголовное?

— Да... Растрата. Но это было в молодости. Я крмла свою судимости и свобод прошлое.

— От нас вы можете этого не скрывать. В городе знали об этих ваших неприятностях.

— Нет.

— Всё? Больше вы ничего не хотите сказать?

Шпанек взял телефонную трубку.

— Угодно... — задыхался заговорил Ерофеев, — верните мне, и могу быть вам полезен... Умоляю вас.

Немец поглядела на него и положила трубку.

— Можете отправлять. Вы будете хорошо устроены, — и громко закричал по-немецки: — Герен!

Войдя фельдфебель и ушёл Ерофеева. В комнате, которая служила приёмной, Ерофеев встретил молодого человека; он шел быстрой и легкой походкой. На молодом человеке было хорошо сшитый спортивный костюм и жёлтые сапоги с застёжками. Также нахорошо, приятное лицо дышало здоровьем.

Молодой человек поторопливо, посмотрел на Ерофеева, как на пустое место, расставил руку и вошёл в кабинет команданта.

— А, Серёжа! — сказала командант, и ладное, худое лицо его выразило ласково иральной улыбки. — Садитесь и возьмите этот журнал, чтобы не скучать, — поглядываясь, красавица женщина... Я сейчас кончу с делами.

Молодой человек взял журнал в левую обложку и сел на диван.

— Ерофеев... Да, этот Ерофеев? Вы когда-нибудь знали его? — вдруг спросил Шпанек. — Что вы слышали о нём?

— Я вообще новый человек в этих местах... Я пришла сюда после института и очень мало знала здешних работников.

— Ну, мы выслушим... Садитесь ближе, доложите журнал... Вы поправились эта красавица.

— Да, поправляюсь. Кто она?

— Бригитта Хельм, кино-

артистка... Пора вам научиться хотя бы читать по-немецки.

— Времени нет, Рихард Генрихович...

— Однако где вы провадилась целых четыре дня?

— Всё там же, на охоте...

— Вам разрешено только два дня отлучиться. Почему вы не позвонили вчера?

— Я вчера была просто пьяна, Рихард Генрихович, вы извините меня.

— Вы должны просить извинения не у меня, а у фрейляг Тиси. Она вас ждала. Вы это помните?

— Нет, — созналась молодой человек. — Я слышала по несчастью с Котовым. Как это случилось?

— Просто поосторожность. Пьяный ехал на мотоцикле.

— А я думала другое... Это уже четвёртый бургомистр.

— Нет, это — не то, что вы думаете. После того как был убит знаменитый Раггонов, у нас стало тихо. Вы смотрели людей, которых нам дают для работы?

— Какие это люди — бараксы! Их мало в дом отсылают. Теперь — самое гадкое: вы знаете, что вас хотят видеть генерал?

— Можете быть, вы хотите мне дать Ерофеева?

— Нет, Ерофеев мне нужен самому. Вы это скоро увидите... Теперь — самое гадкое: вы знаете, что вас хотят видеть генерал?

— Знаю, — как бы всколыхнула сказала молодой человек. — Господин группенфюрер фон Мангейм сам представит мне генерала.

В голосе молодого человека прозвучала нота гордости.

«Молодой человек, вы делаете карьеру», улыбалась, сказала Шпанек, — поглядывая на него душой, Сергей Николаевич.

Так тугожало, было бесовато бесовато немца, фельдкомандант Палеца Рихард Шпанек, и русский инженер Сергей Николаевич. И тому, что слыта бы их беседа со стороны, стало бы совершенно ясно, что этот русский был нужен немцу и этот немец был нужен русскому.

«О Палецкое граде от летописания и обретается воспоминаю, от кого соизволи бы и котормыи людьми...»

Так писал летописец о городе, котормыи сейчас валедали немцы.

«От начала 750 русские земли сей град Палецк никомыи князем владели бо, но на своей воле живеху во нем сущие люди».

Ахми, жившие в городе Палецко по своей воле, теперь должны были жить по воле команданта Палеца Рихарда Шпанека и группенфюрера «С» Рудольфа фон Мангейма.

И немцы называли этот город Палецкау.

Глава V

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

У заместителя председателя совета города Зауральска товарища Костромского шёл приём посетитель, Секретарь, немощная, раздражительная женщина, с безнадёжной грустью смотрела на посетителя, а в кабинете дверь кабинета. В кабинете уже двадцать минут сидел посетитель, о котормом она

Он потирал затеявшие руки.

*) См. № 7-8.

— Пора вам научиться хотя бы читать по-немецки.

коротко доложил: «Инженер Головин. Фамилия эта не произвела никакого впечатления на товарища Костромского, и он думал, что дело ограничится пятиминутным разговором.

Она была так удивлена ещё больше, чем вы увидела, что инженер Головин, удобно расположившись в кресле, почти фамильярно говорил товарищу Костромскому:

— Мне и в голову не пришло, что товарищ Костромский — это и есть тот самый студент, который проходил практику у нас, на Новосасском заводе, двадцать лет назад! Нет, вы подумайте!

Заместитель председателя горсовета улыбнулся, он был приятно изловчился. Он вспоминал себя молодым, двадцатилетним студентом, беззаботным и веселым.

— Ну и постарай же вы, товарищ Головин!

— Зато вы возмужали, Николай Алексеевич... Как сейчас вижу вас в Новосасском, вас и ещё четверых удаलों практикантов... «Орлы» — как называла вас Андрей Андреевич, прозванный Хлебников.

— Андрей Андреевич? Вот кто, вероятно, постарел! Ведь ему за шестьдесят... Да, не меньше! Вы с ним виделись?

— К сожалению, редко. Слышал, что он потерял сына, — вот какое горе! Тяжело в эти годы. Единственный сын!

— Да, действительно, горе... А вы к нам какими судьбами?

— Меня сюда привели печальные обстоятельства.

Тут на лице заместителя председателя горсовета появилось нечто грустное. Он не так давно исполнил свои обязанности, но уже привык к тому, что посетители жаждут ему на свои беды, досаждают невыполнимыми просьбами. Вот и сейчас этот благообразный, приятный в обращении инженер Головин будет о чём-то просить.

«Так, так...» — подумал Костромский.

— Что же, может быть, сумею как-нибудь помочь вам?

— Нет, помочь мне, к сожалению, невозможно... Дело в том, что я давно живу каких-нибудь слезах моей семьи — жены, дочери и сводницы. Они в скором первом году были эвакуированы из Ленинграда, вначале они ехали благополучно, дальше все стало теряться...

— Как же это может быть? — удивился Костромский. — Хотя, впрочем, последняя обстановка, в то время это бывало...

— Всё-таки меня не пока-

дет надежда найти их... продолжал Головин. — Вот ездил полтора месяца на разных краях, объехал не один район. На работе мне пошла навстречу, однако командировка кончается, надо возвращаться.

— А вы где работаете? — из несквозности спросил Костромский.

— Консультантом при научном институте. По специальности я металлург, но сейчас и занят особым делом.

— Каким, если не секрет? — Пошла прелесть, касающаяся заменителей цветных металлов. Всё зависит от гавки, выдана комиссия, жду решения...

— Чем ждать решения, связались бы сами с союзным заводом и начинали дело.

— Жако оставляет Москву.

— Что же Москва? Москва с нами делится людьми. Почему бы и вам не осесть у нас? Вы не шутите с нами: город у нас не последний за Уралом.

— Я же слишком пержу за Москву, — сказал Головин, — звал «Первое мая» — сорбейший завод, продукция его, можно сказать, скоро будет греться во всему фронту...

— Ну, так чего же ещё? Хотите, я поговорю с Бобровым?

— Видите ли, дорогой Николай Алексеевич, — без особого энтузиазма, но с интересом заговорила Головин. — В Москве у меня всё связано с моей несчастливой семьей, всё напоминает о моём несчастье. Это обстоятельство заставляло меня подумать о переезде в ваш город. Здесь, вероятно, мне будет легче работать... Во всяком случае, я вам буду очень благодарна, если вы посодействуете...

— Непременно! Непременно! — поднимаясь, — сказала Костромской. — А вы мне напомните по телефону или сами зайдите... Хотя завтра...

Они простались. Едва дверь закрылась за Головиным, Костромской протянула руку к телефонной трубке — позвонить Боброву, до звонилась. «Серёбинский завод, связником серёбинцы, Головина я зина пятнадцать лет назад, встречался с ним не так уж часто... Напису для прощанья в Москву, тому же Андрою Андреевичу или в гавки, всё-таки надо познать человека...» Пока он

— Меня сюда привели печальными обстоятельствами.

раздумывал, в кабинет рсаясь вбежал не терпеливый посетитель в брезентовом пальто и разговор завёл о трамвайных неурядицах, о троллейбусной линии, которую надо пустить в Октябрьском районе... словом, начал обычную речь заместителя председателя горсовета.

В последующие дни Головин несколько раз напоминал о себе.

«Следовало бы всё-таки написать Андрею Андреевичу Хлебникову в Москву, — думала Костромской. — Профессор должен помнить инженера Головина на Новосасском заводу.»

«Непринято надо ему написать», — решила Костромской, но дня перед пуском троллейбусной линии был горячие, и он снова забыл о Головине.

Между тем Головин пришёл опять Костромской, потужествовав угрозами совести, прилагая его и хотел при нём составить телеграмму Андрею Андреевичу.

— Рекомендации Андрея Андреевича будут наилучшей, — открыто сказал он Головину.

— Рольной мой, чего же прощел! Так или иначе мне придётся съезжать в Москву, удавить дело с гавком заводу привезу лично Андрею Андреевичу. Уверен, что он мне не откажет.

— Вот и преспокойно! — обрадовалась Костромской. — Так и сделаем.

И он тут же по телефону соединился с Бобровым и попросил его принять и выслашать инженера Головина в Союзный инженер-» — спросил Бобров. «Самый», — ответил Костромской, — будет рекомендательное письмо Хлебникову. Бобров, выслушав Головину, бросил и час прёйня.

— Спасибо, родной, — сказал, видимо, тронутый Головин. — Я как-то уже совсем настроился на переезд в Зауральск.

На следующий день на заседании в обкоме Бобров увидел Костромского и мимолетно взглянул ему в глаза с инженером Головиным, он об этом всё договорился и что тот выехал на неделю в Москву — оформить свой переход на работу в Зауральск.

Глава VI

НОВЫЙ БУРГМАСТР

Две реки отбегали к северу отстрокон, и на этом отстрокон в XIV веке русские люди построили каменную крепость и назвали её «Илецк».

Здесь они обривались от нашествия немецких рыцарей-меченосцев в 1323 году. Восемнадцатидней крепость оборонялась от войск орденмейстера фон Манштейна, восемнадцатидней выдержала, таранями её стены, но в конце концов ушли ни с чем.

Об этом рассказал фельдкоменданту Рихарду Шпанку гурнфюрер Рудольф фон Манштейн, когда он в первый раз проехал мимо развалин дзорной башни. Башня простояла больше шести столетий, выдержала штурм меченосцев и осуду войск польского короля Стефана Ватория и была разрушена бойкой немецкого бомбардировщика «Юнкерс-88».

Потомок орденмейстера меченосцев Рудольф фон Манштейн хорошо знал историю этого города. В восток он прочитал о постылом разгроме армии великого магистра Бертранда фон дер Борх. Русские разбили рыцарей на Стефановом Лугу и гнали их до Рудольфа. Он при остром мастере не было такой беды в Алвонии, как при Вергарде фон дер Борхе, — писал немецкий историк — современник разгрома.

Об этом потомок рыцарей-меченосцев,

Клянись вам, буду верной собакой!

— Меня сюда привели печальными обстоятельствами.

Впрочем, умолчал, потому что ещё так много исторические экскурсы безактными.

Должно быть, в память о разгроме Рудольфа фон Мангейма взят из Шлецкого музея немецкий пламя XIV века. Он возна его с собой, вместе с современным пламям, на котором была даринами от осколка мины.

Шпанек презирал группенфюрера фон Мангейма, его раздражали аристократические замашки этого оставшегося диворничка. Шпанек немецкого воина, пропитый русским косяком, казался ему неухоженной рухляком, как, впрочем, и весь столетний лама, который пришлось выдринить из музея, чтобы разместить там охранную поацию. Кроме того Шпанек новизна фон Мангейма за то, что тот фактически был выше его по положению, выше полковника и фельдмаршала, только потому, что это выгород-дворянинчик носит форму «СС». Впрочем, что-то вышло Шпанека к группенфюреру фон Мангейму. У него были иногда интересные идеи: это он, например, напел молодого русского инженера Сергея Изюмова, стрившего дороги в этих тибальных местах. Его идея была вытнута из лагеря Ерофеева.

Ерофеев сидел против Шпанека. Он был малое похож на истерзанного, полумёртвого человека, который, качаясь, стоял перед ним две недели назад. Опухоль над верхней губой исчезла, а лицо стало почти незаметно. Ерофеева

побрили и подстригли, одели в грязный костюм.

— Ну, вы довольны обращением с вами? — спросил его Шпанек.

— Покорно благодарю, — ответила Ерофеев.

— Вы чувствуете себя в силах начать работу?

— Зависит от того, какая это будет работа.

— Не беспокойтесь, вы не будете копаться землёй.

— Я не беспокоюсь.

Шпанек поднял на него зеленватые, тусклые глаза.

— Вы слишком много разговариваете, Ерофеев, вы очень скоро забуды, что было с вами две недели назад.

Шпанек оглянулся на телефон и с удовольствием заметил, как пообедал Ерофеев.

— Вы в самом деле думаете, что мы стали относиться к вам по-иному в знак доброго к вам расположения?

— Нет, я этого не думаю, — произнёс Ерофеев и добавил совсем робко: «Я думаю, что могут быть поактен».

— Да. Вы нам нужны. Господин Ерофеев, — продолжал Шпанек, — мы слезаем вас бургомистром — председателем управы, главным над городом и единственной дорожкой, с резиденцией в городе Шлецке. Вы будете жить под своим начальст-

вом шестидесять тысяч людей. Вы будете управлять обширной территорией, и в этом районе всё живое — люди и скот — будут подчинены вам. При Советках вы были простым агрономом, а мы сделаем вас государственным анином. На этой территории будет ещё один человек, ещё один русский, которому вы должны помогать, — Изюмович. Вам что-нибудь говорит это имя?

Ерофеев отрицательно покачал головой.

— Это инженер, большой знаток дорожного строительства. Несмотря на свою молодость он очень хорошо показал себя, он умеет работать с русскими... Есть что-нибудь неясное для вас?

— Нет, мне всё ясно. Я благодарю вас за доверие... Я тронут тем, что вы доверяете мне после того, что и перенёс в концлагере. Главное — за что? И вы жам не враг.

— Послушайте, — сказал Шпанек, — я знаю людей, которые перенесли худшие вещи, чем вы. Значит, в вас что-то есть, если вы вытнуды вас из лагеря... Но если вы обманете нас или окажетесь негодным человеком, вы понимаете сами, что вас ожидает».

Ерофеев вздыхнул, пот выступил у него на лбу.

— Клянусь вам... Буду верной собакой! — сказала она.

(Продолжение следует.)

НАШ СОВРЕМЕННОК ШЕКСПИР

НОВАЯ РАБОТА СУРЕНА КОЧАРЯНА

Принимая своих слушателей этот прекрасный чтец завоевал ещё перед войной; его немало запомнили как увлекательного сказочника и толкователя затаённых значений вымыслов и вдохновенных этических изречений поэм и преданий Востока, ослепленного и домыслившего до нас суровую мощь древнего Урала, полнота и мудрость героев Рустамели, титанические труды богатейшей Армении, изобретательную выдумку арабских сказов.

Сурен Кочарян знает не только московский зритель: в течение войны он побывал и в пограничных военных частях, и в Иране, и на фронте. Только недавно он вернулся в Москву.

В своей новой работе Сурен Кочарян раскрыл «слушателям Шекспира» такими, какими его знают немногие, — не просто Шекспира — великого драматурга, а Шекспира — навеки запечатлённого борбу народов за свободу, Шекспира — трибуна и обвинителя тиранов и захватчиков, Шекспира — великого патриота. И понятно, почему с такой мощью звучали слова Шекспира на фронте, когда Сурен Кочарян читал их в красноречивом, млущим в бой. Такой Шекспир оказался живым современником, его «страстные слова вдохновенная

сегодня, быть может, сильнее, чем когда бы то ни было:

«Сопреживайте! Вы видите,

я плачу —

От радости, что снова я стою

На почве дорогой моей отчизны!

Земля родная, шлю тебе привет,

Хотя тебя насильники терзают.

О не питай, земля моя, злодеяв.

Ты хищников прожорливых

отвергни

И не давай им сладостей своих!

..О наглядй враг! Ты горько

час оплачешь этот.

В боях ты мал — ты в подлостях

велик!

Вот наш ответ: пусть кровь

идёт за муть!»

Шекспир хорошо знал повадки захватчиков; метко клеймил их в расказе солдат из хроника «Генрих V»:

«Воруют они всё, что под руку

попадётся, и говорят, что это —

военная добыча! Один из них стаял

фуллур от люти и тащил его

целых двенадцать миль, чтобы

продать за три полшек. Двое

других дады возвратятся, чтоб

воровать сообща, и в одной из

деревь стаяли... как думаете,

что? — грелку с углин!»

Какими же средствами оживил

и приблизил к нам Шекспира ма-

стер художественного чтеца?

Заслуженный деятель искусств

Сурен Кочарян.

Сурен Кочарян соединил в единую литературную композицию, в последовательно развивающийся монолог избранные места из многих драм и поэм Шекспира. Этот труд литературоведа выполнен с теми особым чувством меры и художественным вкусом, которым отличался Кочаряном-исполнителем. Повторений в ораторском призыве, а филиппике Шекспира нет, и обви-

чение врага идёт с нарастающей силой:

«Кто вождь врагов? Сопра-

ждане мой,

Их вождь — тиран, мучитель

и убийца.

Он кровью добыл царственную

власть,

Путиём кровавым, до венца

дошёл

И растерзал сообщников зло-

действ!»

Так живут сегодня герои-трагедии «Ричард III».

Столь же отвечающе нашим чувствам оживающее в речи Кочаряна образы юности, раннего и отказывающегося покинуть поле битвы, где в прахе и крови лежат герои», матери, благословляющей на бой второго сына и проклинающей старца как рождения, старца, бывшего за родную сорок лет, предостерегающего против недешёкой воли и зовущего вперед, на штурм, за правду, за свободу:

«Прокорми меч, когда ось обидя-

лвен за справедливость».

И голос артеза, произносящего с силой народного трибуна полноту речи собиравшего шекспировского героя, выходя, как и мысли Шекспира, остаётся в памяти слушателей.

Г. Герасимов

Четырнадцать лет я работаю в школе. Четырнадцать лет я наблюдаю за тем, как формируется молодой человек, как складывается индивидуальность каждого моего ученика. По опыту знаю, как порой бывает важно вовремя сказанное слово более опытного человека и какое значительное впечатление оно производит на личную и социальную жизнь каждого ученика в нужное время.

Известно, что чтение расширяет кругозор, повышает культуру молодежи. Книги воспитывают художественный вкус, развивают способности человека. Но часто этого в книгах юноша часто не находит себе признание. Книга помогает ему познать самого себя, свои способности и склонности, определить свой будущий путь. Книжки постоянно воспитывают у молодежи любовь к чтению.

Учитель русских учителей К. Д. Ушинский решил заняться педагогикой после того, как в заброшенном шахуру с книжками он зашел и прочитал сочинение о детской психологии и принципах воспитания и обучения детей. Старший русский геолог академик В. А. Обручев на вопрос, что побуждал его писать свою специальную статью, ответил, что желание увидеть мир и познать его тайны вызвали в нем книги Купера, Майн-Рида и Жюль-Верна.

Однако часто юноша или девушка выбирают себе профессию, имея о ней неясное, поверхностное представление. Иногда это представление чересчур романтично, иной раз грубо утилитарно. Говоря о последнем, я вспоминаю одного из моих учеников — Сергея К. Как в начале его учебы он решил стать военным, но при этом рассуждал примерно так: «Военная и физическая подготовка — мои любимые предметы. Математику и физику читать неохота. Придется читать много со сложной техникой. Видно, пригодится химия. Ну а остальное — это уж как время позволит...»

Я знал Сергея давно: в младших классах его дважды выбирал председателем учкома, товарищи прислушивались к его мнению во многом смотрели его глазами. Был он инциантивен и решительнее, умел объединить вокруг себя товарищей. Глядя на Сергея, я думал: более удачной профессии он не мог бы выбрать, но недостаток из чего-либо произношение к так называемым гуманитарным наукам может прийти ему большой вред. Дома у него ничего, кроме старой бабушки, нет, жалко воздержания отсюда не приходилось. Я раздумывая над тем, как его переубедить.

В это время в печати появились очерки Пигарева о Суворове. Образ великого полководца, настоящего изумительного иностранца языка, знающего всех языки и со всеми временных его историков, во время походов не расстававшегося с книгой, был дан в лих и ярко. Я сказал Сергею об этих очерках. «Кое-что из того, что читал Суворов, мне, конечно, известно», — сказал я ему. Сергею очерки о Суворове понравились. И вот на столе у будущего офицера появились «Комментарии» Цезаря и «Жизнеописание замечательных людей» Плутарха.

Когда очерки К. В. Пигарева были объединены в книгу «Солдат-полководец», автор пришел к нам, прочитав новые главы, ответил на вопросы школьников. После этого литературной о Суворове заинтересовались многие. По рукам пошли номер «Военно-исторического журнала» и «Наука побеждает», Выпущены «Вспомогательные материалы» к очеркам и аннотации на книги и статьи о нем. Кроме того привез старший номер «Изна» со многими иллюстрациями. Устроили выставку. Познее возник интерес и к суворовским трагедиям. Тогда С. Н. Полюбин предложил о работе над военно-исторической повестью «Варгатины».

История живо перекачалась с современностью, помогала глубже познать наши

С. Гуревич

ЛЮБОВЬ К ЧТЕНИЮ

(Заметки педагога)

Теперь в руках у ребят уже можно было увидеть книги Брусулова, статьи Фрунзе. И разговором о том, что «военному человеку гуманитарные науки не так уж важны», постепенно был положен конец. О важной пользе, которую может принести будущему военному художественная литература, говорит опыт одного из моих учеников — Вадима.

Детство его прошло в пограничном военном городке, отец Вадима, кадровый военный человек, увлеченный своим делом, сумел заинтересовать им и сына. Мальчик решил стать артиллеристом. Он пошел к мне в восьмой класс. Мы разбирали тогда «Славу» поваря Игореве. Вадима интересовали вопросы тактики: каким путем шел Игорь от Путивля к Изюму, где происходили первая и вторая битвы,

Емиллин Буков

Орлёнок Андриеш

Он лежит в кустах на Приднепровье,
И стоит вокруг него бойня.

Каска сына, намурав молча броян,
О ребятах душат омуты.

Андрей, Молдаван орабнок,
Ослепши на тогда ворожит,

И двепровский весте, гнесто збнок,
В волсах, над ситумлом ам, дрожит.

Ты дежнш. Полуоткрыты веки:
Не успе смежить их, ты поник.
И застыло на губах навек
Неживое слово на крик.

Верно, Андриеш хата снится,
Верно над Дунаем, камыши,
Однотельки воблачны-сестрини,
Сад родимый, ароматный в тиши?

Годы шли. Промчалась их двенадцать...
Как чудесен детства был наряд!
Песни пел до веселья смеяться
Он успел двенадцать лет подра.

Или снится чёрный день в июле,
Дым и поседшая вода,
Взрывы и пожары? В диком гуле
Выпорух орлёнок из гнезда.

К партизанам улетел орлёнок,
К славному широкому Дунаю,
Слава бойцов-различком ребенок,
Да уснула сегодня по утру.

Нет, не сон смежил его ресницы,
Над саночкой на склонилась мать:
Кровь из раны на груди сочится —
Сердце мое в раме увидать!

Яблонки ты не увидишь стройной,
Бисера думы в речной волне,
Не услышишь материнской доны
На родной далёкой стороне.

Мать о мальчике людей распросит,
Платье восточное, ветер в дальних волнах...
Только кто в глаза ей правду бросит?
Ты их горько слезой знаешь?

Лихи раскаяют войну Дунаю,
Как ты у Дунаю жила в кустах.
Их восточные настали времена,
Погребёт их наш Дунай в волнах.

Перевод с молдавского
Марии Замуховской

как были расположены войска Игоря и его союзники, в чём причина их поражения?»

Он нарисовал карту похода Игоря на полонцы, начертил схему построения по истории Гамбургера. Этого ему похвально было, но он дал другой вариант построения, — по Ипатьевской летописи. Узнав, что в тех же местах, где в XII веке были сражения Игоря, воевода И. К. Е. Ворошилова дрались с немцами и белоказаками, Вадим разослал материал об этих боях. Он с увеличением чертила различные схемы.

Позже, когда мы изучали «Полтаву», он сравнил пушкинское описание боя с лемонсовским, отыскал в «Записках русского военно-исторического общества» статью «Русская артиллерия под Полтавой» и сделал две сравнительные таблицы.

Теперь возможной историей увлекался уже не один Вадим, но и его два приятеля, до того совершенно равнодушные к этим вопросам. Когда мы приехали в Ясиун Поляну, друзья внимательно расспросили о биографии Толстого, о том, что относилось к 1812 году и служило источниками писателя при работе над «Войной и миром». Этот роман Вадим читал три раза, а любимые места — подвиги Андрея Болконского — знаменитому Аустремичем, разведка Долахова, история батарея Тушина — знал чуть ли не наизусть. Теперь он перечитал «Война и мир» в четвёртый раз и сравнил описание Аустремича и Бордяна у Толстого и Онегальса.

И уж совсем именнинником чувствовал себя Вадим на Бординском поле, куда мы также поехали. Он обошёл всё поле, побывал на Семёновских фашах Благитина, — пошел на холме, где когда-то была батарея Раевского и откуда Игорь Везулов наблюдал Бординское сражение. Всею дорогою до Москвы до Воронина и обратно Вадим не представлял себе ни одного романа, ни одного романа, ни одного толковских описаний.

В десятом классе Вадиму учиться не пришлось: началась война. Он уговорил родителей, — пошел на холме, где когда-то был Аустремич, разведка Долахова, история батарея Тушина — знал чуть ли не наизусть. Теперь он перечитал «Война и мир» в четвёртый раз и сравнил описание Аустремича и Бордяна у Толстого и Онегальса.

Нужно сказать, что иной раз неумелый подбор книг может создать неточное представление у школьников о той или иной личности и повлечь за собой изменение этих представлений.

Из восьмидесяти четвёртых опрошенных мною учениц женской школы двенадцать заявили, что хотят быть врачами. Из них восемь пришли к этой мысли во время войны. И продолжая, десятиклассница написала работу на тему «Дмитрий Ионович Старцев и доктор Калужный». Меня заинтересовало, как представляется себе будущие врачи без практических знаний в своей профессии. Прочитав работы, я убеждался, что у девушек представление о будущей профессии крайне «благотристично». Они вспоминали «Записки врача» Воресова, «Цытадель» Кронина, Платона Кречета и Глобу, Таланова и Харитоновна, приводили разнообразные фронтонные эпизоды из газет, листов, рассказов близких. Но только в двух работах и нашла указания на книги Поля де Кройфа и в одной — на очерки Поповского. Видно, девушки не были знакомы с подобными работами, а следовательно не представляли себе специфику будущей профессии. А без знакомства с научно-популярной литературой выбор медицинского факультета будет сделан вслепую.

А. ВОИНОВ

ПУТЬ
ГЕРОЯ

Как складывалась биография героя? Какими путями шёл он к мастерству, к признанию, к славе? Труден ли и долг ли был этот путь?

Мышле рассказам о наших героях, в основном, написаны белло и интереснее. События их жизни передаются без авторского развешивания, которое влечёт за собой читателя, но от того, что полностью предельно себе образ героя.

Но вот мы читаем повесть «Раскалывай жизнь», написанную авиационным конструктором Героем социалистического труда А. С. Яковлевым, и с первых же её страниц увлекает страстное повествование о формировании идеалов молодого советского человека, о заветных стремлениях к избранной цели.

Главная сила этих рассказов в их неэпифанности. Яковлев рассказывает о трудностях, которые ему пришлось преодолеть, прежде чем его работа получила высокую оценку правительства и всесоюзное признание. Рассказывает, как, заболев ангиной, на год в год он отдавал ей все свои силы и творческие помыслы.

Первое знакомство А. Яковлева с авиацией произошло в семилетнем возрасте, когда Бабушка повела его на Холмские поля, где был аэродром. «Смотреть, как шары летают». Но на Холмские мальчик увидел «большой дикий» авиационный аппарат, полетевший скорее на этакеру, но никак не на шар. Это был, как потом он узнал, аэроплан «Фигуро». В этот день аэроплану не удалось оторваться от земли, хотя он добросовестно бежал по полю и трещал.

Детство будущего инноватора авиации сошлось с детством авиации.

Но не эти отдалённые впечатления определили творческие стремления молодого Яковлева. В девять лет он хотел стать инженером-путейцем. В более старшем возрасте увлекался радиотехникой.

Он прочитал много книг. Прочтения Робинсона Крузо, его борьба с природой на необитаемом острове дали богатую пищу воображению мальчика. Оживлялись лет Яковлев познакомился уже почти со всеми книгами Жюль Верна, Уэллса, с увлечением читал советские биографии великих людей: изобретателей, путешественников, политических деятелей.

И эта любовь к чтению послужила ему впоследствии хорошей службой.

Журнал «Пионер» № 9, 10, 11-12 за 1943 год и № 1, 2-3 за 1944 год.

Таганрог
сегодня

Освобождённый Таганрог быстро залечивает раны, нанесённые гитлеровскими захватчиками, возвращается к нормальной жизни. На снимках (сверху вниз): один из восстановленных заводов; на улице Ленина; сцена из пьесы «Давным-давно», идущей в Таганрогском городском театре; вечер молодёжи в одной из клубов города; восстановительные работы на заводе имени Андреева.

Фото А. Гаранина

Я добился того, что статьи Н. Н. Бурденко «Проблемы современной хирургии» и академика А. А. Богомолова и А. С. Штерн о возможностях продления человеческой жизни прочитал почти все класс. Потом мы пригласили к нам в гости директора Института физиологии Академии наук СССР академика А. Штерн. Она проводила учащимся со своим пути учёного и о проблемах, над которыми работает. И я убедился, что после этой встречи наши будущие врачи стали гораздо ответственнее представлять себе дело, которому решили посвятить жизнь.

Есть у нас особо «романтические» профессии: они рисуются ребятами в каком-то розово-золотом тумане, мечта о них кружит много горючих голов. В этом случае разумное вмешательство педагога особенно желательное. К числу таких «вкусных» и часто ложно понимаемых специальностей относятся, например, геология и работа в области искусства.

Театр! Сколько юных сердец скрывается при этом волшебном слове. Лариса во что бы то ни стало решила сделать актрисой. До этого она, посетив оперетту «Золотая долина», собиралась стать геологом, но, узнав у знакомого студента, что работа геологов сложная, требующая множества знаний, очень огорчилась. Успокоилась она быстро, посмотрев в кино фильм «Актриса». Это, как показало Ларисе, решило её судьбу.

Я спросил у Ларисы: читала ли она что-нибудь о театре? Ну, конечно! Она читала об успехах великих актрис, об оваллах, о цветах. Правда, в статьях и книгах, которые попадались ей в руки, упоминалось и о другом — об огромной, напряжённой работе: но это как-то выпадало из поля её зрения. Я предложил Ларисе брать у меня для чтения книги о театре и в конце концов поручил ей работу:

— Вот вам письма Ермоловой, вот воспоминания о ней, Я выведу е актрисой, близко, знавшими Марию Николаевну, и вы навестите о том, как проходила её день.

— Один день?

— Да именно один — с утра до ночи. Что она делала, как готовилась к спектаклю, как волновалась перед ним, как жила на сцене, — словом, как трудилась Ермолова?

Лариса приняла эту работу. Я надеюсь, что это даст девушке более точное представление о тяжёлом труде актрисы.

Когда мечты о театре станут для школьницы таким же прошлым, как намерение сделать геологом, и попытается научить её мечтать о педагогической деятельности. Лариса любит детей. Она была вожатым, и это у неё получалось лучше, чем у многих. Она много читает, она наблюдательна и настойчива. Эти качества пригодятся ей, если она станет учительницей, — профессия, в которой мало полагаться у юности. Кто знает, не сами ли мы виноваты в том, что не сумели создать вокруг нашего интереснейшего дела нужной ореол? А между тем разве формирование человеческих характеров, разве творческая педагогическая работа не увлекательна? Я постараюсь убедить в этом Ларису и верю, что юные прекрасные книги и в этом деле придут мне на помощь. Хорошие книги — самые лучшие педагоги. Надо уметь читать их и научить других этому умению.

Желание написать эту статью мне навеяли решения XII пленума ЦК ВЛКСМ о школе. Я думаю, что если комсомольцы и учителя будут руководствоваться этим решением как законным предписанием, то книга ещё больше войдёт в жизнь молодёжи. Слова решения пленума о воспитании у учащихся любви к чтению касаются не только комсомольцев, но также и нас, учителей, — непосредственных воспитателей юности.

«Книга развила во мне страсть к технике, научила мечтать, фантазировать, к чему-то стремиться, вслестать во мне любовь и уважение к труду». Наконец, чтение большого количества книг дало мне общее представление о широкой мировой кругозор. А хорошим инженер-конструктором может быть только человек всесторонне развитый. Увидя дело, который знает только свою собственную линейку и определенные формулы, необходимые для повседневной работы, не может создать ничего ценного и интересного.

Начало серьезного увеличения заработной платы положило еще в школе «одной хорошей большой книгой», описывающей модель планера.

И Яковлев построил маленький планер, который я присутствовал при изготовлении нескольких других без запусков и пролетел метров пятнадцать. «С этого момента, — пишет автор, — и родилась моя страсть к авиации».

Когда Александру Яковлеву исполнилось семнадцать лет, он твердо решил сделать себя авиационником. Но найти работу, не имея квалификации, оказалось трудным делом — его никто не принимали.

Виртуозно знакомство с устройством планера.

Зимой 1923 года газета сообщила о том, что в Коселье в ноябре состоится первая планерные состязания.

Яковлев обратился за помощью к организатору состязаний авиационно-конструктору Артеулову, который отчаянно отнесся к моему отсутствию его помощником к летчику Ассоциацию.

Эта встреча помогла Яковлеву «прорваться» в авиационную среду. Увлечение планеризмом даст свои результаты. На кладоушких планерных состязаниях он уже выдвинулся со своим помощником удачной конструкцией и в награду получает приз и грамоту.

После этих состязаний Яковлеву принимают работу в авиамастерские Академии воздушного флота. С утра и до позднего вечера Яковлев на аэродроме, у самолета. «Это была, — пишет он, — бурлящая и тяжелая работа, которая привнесла во мне как будущую конструктору самолета большую пользу. Я практически изучил, оцелил руками каждую деталь самолета».

Вскоре он решил построить самолет. В этой стремлении его поддержал Владимир Сергеевич Пашинин, который верил в способности молодого моториста.

Яковлев с увлечением принялся за работу. У него, не имевшего высшего образования, не было опыта по составлению чертежей и расчетов. Отсутствовали и материалы. Но близ аэродрома был овраг, почти полностью забытый стариком, половецкими самовлетами. И вот в свободное время Яковлев копался в этих обломках, собирал нужные детали, попутно изучая конструктивную машину характер полета.

Он работал почти без отдыха, переделывая недоработанные детали скелетов. С самого раннего утра он находился в аэродроме, а от пяти часов вечера и до одиннадцати вечера проходил по полетной авиации. Наконец, после восьми

месяцев кропотливого труда, авиационный самолет.

Первые же испытания показали высокие летные качества авиации, быстроту и надежность.

На этой машине летчик Пинотковский, вылетев утром из Севастополя, продержался в воздухе 11 часов 45 минут, который случился в Москве. Он установил одновременно двойной мировой рекорд: на продолжительность полета без посадки и за дальность полета. Эта работа была оценена — и А. Яковлеву приняла учиться в Академию Воздушного флота. Его давнишняя мечта осуществилась.

Академия окрестил Яковлеву одет работать на один из авиационных заводов. Теперь он уже образованный инженер, со стажем конструкторской работы. Он разрабатывал усовершенствованный вариант машины, которая дала огромную по тем временам скорость — триста тридцать километров в час. Но ввиду отсутствия опыта ему не повезло: на ответственном испытании машина потеряла управление. Нашлись переборщики, которые хотели вопреки запрету Яковлеву работать авиационным конструктором. Но он добился пересмотра решения, и оно было отменено.

Тем не менее условия, в которых приходилось работать конструктору, были тяжелыми. Под его производственным мастерскую отделили кирпичный сарай с земляным полом. Сарай этот принадлежал крестьянам, принадлежал им железные кровати. И вот нужно было суметь объединить производство железных кроватей с производством самолетов. В одной половине мастерской делались кровати, в другой Яковлев со своими рабочими строил самолеты.

Директор крохотного предприятия не интересовался самолетами, ему нужно было привлечь Яковлеву. Конструктор обратился к жене, директору отпустил в авиационно-конструкторскую мастерскую Яковлеву. Теперь конструктору стало легче. Он смог заниматься самолетами. Раздобыл самодельные инструменты — и работа двинулась.

Яковлев разработал новый тип учебной машины — «УТ-2», — позволивший летать фактически высшего пилотажа.

В 1936 году во всеобщем спортивном переделе на пять тысяч километров этой самолет занял первое место.

Летом этого же года на Тушинском аэродроме был устроен мотоспортивных самолетов. На смотр приехали товарищи Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. Стоя на верanda, они наблюдали на том, как, набирая скорость, со стороны Пашинина к аэродрому неслись самолеты.

Над самым аэродромом самолет «УТ-2» вырвался вперед и первым поднялся над группой. Товарищ Сталин попросил представить ему конструктора этой машины. Так произошла первая встреча Яковлеву с товарищем Сталиным. И в Сталина высоко оценил деятельность молодого конструктора и

создал ему такие условия, при которых маленькая крохотная мастерская в короткой срок превратилась в большой культурный авиационный завод.

Проходит несколько лет, и в мае 1939 года над Красной площадью пролетают десятки авиационных новой конструкции, созданной А. Яковлевым и принятой на вооружение нашей авиации.

А 27 апреля, за три дня до этого события, конструктор был вызван к товарищу Сталину.

«И с благоговением поднимался по лестнице, уложенной красным ковром, и, отыраясь за руку нацепленную между руку большую двухстворчатую белую кремлевскую дверь, думал, что может быть совсем недавно здесь же проходил и дотрагивался до этой ручки Сталин.

Проля несколько больших коммат, и очутился в секретариате.

— Конструктор Яковлев? Товарищ Сталин вынул амант в шесть часов, а сейчас пять часов горит лампа — сказал секретарь и попросил меня подождать.

В это же заманчивое время меня пригласили в кабинет. Задыхаясь от волнения, я вошел.

Там, кроме Сталина, были Ворошилов и Молотов.

Сталин поднял мне руку и пожал мне руку. Потом чмокнул поцеловать Ворошилов и Молотов.

Не скажу, что когда я вошел в кабинет, мое волнение как рукой сняло, но постепенно оно ослабло. Меня встретили очень тепло. Своим рукопожатием, тонким голосом, походкой товарищ Сталин действовал на меня особенно успокаивающе. Он начал расспрашивать меня о работе, о моей новой машине.

По мере того как разговор углублялся в техническую область, я мало рождало сказать, и всё больше и больше успокаивался, а к концу разговора совсем освоился. Сталин, Молотов и Ворошилов вели со мной разговор так просто, что я перестал стесняться и, отвечая на их вопросы, уже не подкакивал слова, как вначале, а разговаривал так, как будто выделся с ними много раз.

На этом совещании Сталин и его соратники решили, что Яковлеву достоин самой высокой награды, и тут же подвизнуло ходатайство перед Верховным Советом о награждении этого ордене Ленина авиационного ИСБ и премией в сто тысяч рублей.

Эта встреча с товарищем Сталиным имела решающее значение для всей дальнейшей жизни А. Яковлеву.

Каждый разговор с товарищем Сталиным обогащал Яковлеву. В эти беседы он проходил большую школу и «после каждой беседы ощущал силу полетической и деловой работы».

В большой главе «О великом и простом человеке» Яковлев рассказывает о своих встречах с товарищем Сталиным:

«Сталин любил, чтобы за его вопросы давали короткий, прямой и четкий ответ, без выкладок. Обычно то, что в первый раз бывает у него, долго не решается ответить на заданный вопрос, старается хорошенько обдумать ответ, чтобы не подстать вопросу. Так и я в первое время, прежде чем ответить товарищу Сталину на какой-нибудь вопрос, являлся, смотрел в окно, на потолок.

А Сталин, смеясь, говорит:

— Вы на потолок не смотрите, так лучше прямо смотрите и говорите, что думаете. Это — единственное, что от вас требуется».

Как-то на прямо поставленный вопрос я затруднился ответить, не знал, как ответить мой ответ Сталин, поправился ли ему, что я скажу.

Он заметил это и серьезно сказал:

— Только, пожалуйста, отвечать так, как вы сами думаете. Не старайтесь сказать то, что мне может понравиться. Не нужно этого. Мало пользы получится от нашего разговора, если вы будете угадывать мои желания. Не помните, что если вы скажете неправду, с моим мнением, это будет плохо. Вы специалист. Мы с вами разговариваем только тогда, чтобы у вас кое-что поучиться, а не только, чтобы вас утешить».

Как-то раз Сталин сказал:

— Если вы твердо убеждены, что правы, и сумеете доказать свою правоту, никогда не считайте с чужим мнением, а действуйте так, как вам подсказывает ваш разум и ваша совесть».

Открытая работа, которую под старинским руководством проделал Яковлев в мирные годы, дала свои плоды во время Отечественной войны. Истребители Яковлеву удалось сделать летними авиационными боевыми качествами. На них советские летчики успешно громит врага.

«Рассказю о жизни А. С. Яковлеву, написавшего тонким, образным языком, читателю от начала до конца с неслабыми интересом. Со страниц повести слышишь огромную любовь к авиации к людям. Советский человек осуществил свой мечту. Служением народу он заслужил признание страны — стал ее героем».

Под редакцией гроссмейстера Сало Флора

РЕКОРДНАЯ ПАРТИЯ

Трудно поверить, чтобы в серьезной партии между мастерами, игранный к тому же по консуляции (с каждой стороны участвовало по двое союзников), было всего 9 ходов. Между тем подобный курьезный случай имел место. Этот своеобразный «рекорд» был установлен в партии, игранный в Гастингсе (Англия) в 1897 году.

<i>Бедо и Гунсберг</i>	<i>Доббелль и Лоуко</i>
1. f2—f4	e7—e5
2. f4:e5	d7—d6
3. e5:d6	c8:f8
4. Kg1—f3	g7—e5
5. e2—e3	...

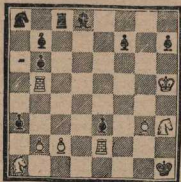
Значительно сильнее здесь 6. d4 и если 6. ... g4, то 7. Ke5.

5. ...	g5—g4
6. fdl—d4+	Kb5—c6
7. Kf3—d4	Fd8—h4+
8. Kpe1—d1	g4—g3
9. b2—b3?	Fh4:h2!

Белые сдались.

ПРОИГРАННОЕ ПАРИ

Замечательный американский проблемист Самуэль Лойд справедливо считается Марком Твизом шахматной доски. Его задачи оригинальны по замыслу и исключительно остроумны. В шахматную задачу Лойд сумел внести элемент юмора, основанный на неправдоподобном на первый взгляд решении. Приподнятые две задачи Лойда характерны для творчества выдающегося мастера композиции.

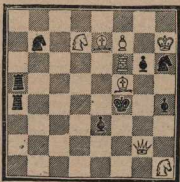
Шаг в 5 ходов.

История создания этой задачи, как рассказывает сам Лойд, такова: «Это был эксперимент, чтобы подвигнуть соперника Девиса Жюльена, пролетария. Он любил держать пари, что сможет проанализировать любое положение и сказать, какой именно фигурой будет сделан мат. Тогда и предложил ему, что составил задачу, которую он должен проанализировать и

сказать, какая фигура не сможет дать мат. Он тотчас же выбрал пешку b2, как наиболее невероятную фигуру для этой цели. Решение так показал, что платил за обед».

А решение этой задачи таково. 1. b2—b4! (Совершенно неожиданный ход, создающий угрозу Jb5—b5—f1 мат) 1. ... Lc8—c5 (единственный ход, парирующий угрозу белым). 2. b4:c5 (Сенер, помнилась новая угроза: Jb5—b1 мат). 2. ... a3—a2 3. c5—c6 (нова угроза: Jb5—f3. ... Sd8—c7 (тобы на 4. Jb5 отыграть 4. ... Sd4) 4. c6—b7 и — поскольку предыдущим ходом черные вынуждены были отнять поле c7 у коня—5. b7:a8 (F)C мат!

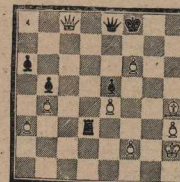
Попробуйте решить следующую задачу! Здесь, также с неожиданным первым ходом.

Шаг в 2 хода.

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Патчас и в практической партии возникают позиции, где возможны подлунные заданные арии. Одна из турнирных партий пришла к следующему положению.

Преимущество белых очевидно. Уверены в победе, они несомненно сыграли 1. Fc8:a6, после чего черные красной импровизацией сласили от поражения. Не найдёте ли вы её?

ЗАМЕТКИ ИЗ ПРОШЛОГО

МОСКОВСКАЯ «НАВИГАЦКАЯ ШКОЛА»

Первое учебное заведение в России, которое готовило морских офицеров, штабс-офицеров, артиллеристов, архитекторов, геодезистов, учителей, чиновников и даже писателей, было основано Петром Великим 14 января 1701 года под названием школы «Математических и навигацких (т. е. мореходных) хитростно искусства».

«Навигацкая школа» состояла в ведении Оружейной палаты и помещалась в Москве, в Сухаревой башне. Одновременно в ней обучалось 500 человек. Школа делилась на классы. В первых двух неграмотных юнчиков учили русскому языку и началам счета. Дети высших сословий переходили в старший класс, где проходили уже специальные специальности, включавшие фехтование, ялы, как тогда называли, рапирную науку.

Ученики «навигацкой школы» получали жалованье соборно с воспитанниками и учителями, в среднем около 12 копеек в день. За прогулы здесь строго наказывали и взыскивали большой штраф: за первый день—5 рублей, за второй—10, а за остальные—по 15 рублей.

После окончания курса способные ученики высылались за границу для практического ознакомления с морской службой и восточных судов. По возвращении они сдавали экзамен. Затем лучшие назначались на суда офицерами, а остальные распределялись в полки, крепости, на гражданскую службу и т. д.

За годы существования Московской школы привнесла огромную пользу, подготовила кадры морских офицеров, инженеров, военных специалистов.

ОТВЕТ К ФОТОЗАГАДКЕ, ПОМЕЩЕННОЙ В № 7—8

Загадочный снимок, напоминающий лунный пейзаж, представляет собой увеличенную фотографию... шпатов шпикования.

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ В № 7—8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Фрогг, 4. Сваллер, 5. Пинга, 11. Непер, 12. Керосин, 13. Отряд, 14. Авр, 15. Йор, 16. Шорин, 18. Асс, 20. Адж, 22. Мост, 24. Сто, 26. Ура, 28. Камера, 31. Равно, 32. Свита, 36. Огонь, 38. Адеп, 40. Рокко, 41. Инд, 42. Ала, 43. Аора, 44. Серп, 45. Опол, 46. Вирро, 48. Вал, 50. Сена, 51. Овал, 52. Овал, 53. Навала, 58. Амур, 59. Навра, 61. Ров, 63. Аре, 65. Сена, 66. Пас, 70. Ова, 71. Свар, 72. Свар, 73. Пас, 76. Армян, 77. Амур, 78. Армян, 79. Сена, 80. Адамат, 81. Арие.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Финин, 2. Отпор, 3. Таран, 4. Сонат, 5. Аорта, 6. Паска, 7. Ракшер, 8. Петры, 9. Парно, 10. Алды, 17. Иго, 19. Горы, 21. Луна, 23. Ова, 24. Свар, 25. Сена, 27. Ас, 28. Капюшон, 29. Математика, 30. Рог, 33. Путь, 34. Реостат, 35. Аламан, 37. Ойна, 39. Йаора, 41. Шп, 42. Ава, 47. Рок, 48. Апол, 50. Сом, 52. Пас, 54, 58, 64, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

В НОМЕРЕ:

- Вручение английских орденов и медалей.
- Капитан 3-го ранга А. БАКОВИЧОВ — В дрейфе.
- О САВИЧ — В Клермон-Феррае.
- А. ПРИШЕЛЕЦ — Автомат.
- В. ГОЛУБЕВА — Письмо, забытое в кювет.
- В. ГАБЕСКЕРИЯ — * * *
- Н. ВИРТА — Военная академия.
- Л. НИКУЛИН — Золотая звезда (продолжение).
- Г. ГЕРОНСКИЙ — Наш современник Шекспир.
- С. ГУРВИЧ — Любовь к чаю.
- Е. БУКОВ — Орден Андреев.
- Заметки о книгах: А. ВОИНОВ — Путь героя.
- Шахматы. Заметки из прошлого.
- Рисунки художников Г. БАЛАШОВА, Л. БРОДАТЫ, Г. ВАЛЬКА, А. ЖИТОМИРСКОГО.
- На владке: «Чемесский бой» — картина художника И. К. АФАВЗОВСКОГО.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. Принятые рукописи не возвращаются.

Формат 21x110 см. 2½ печ. л. 32 в. печ. л. 98 000. Зам. 1066. Тираж 30 000 экз. Изд. № 366. А5196. Подписано и печатно 12/VI—44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

«Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге».

И. СТАЛИН.

Г. В. - 44

Артиллерийские разведки
корректируют огонь.
Фото Дм. Козлов

СМЕНА

Цена 1 руб.